

АЛЬБЕРТ НАЛЧАДЖЯН

АГРЕССИВНОСТЬ
ЧЕЛОВЕКА. ТОМ 1.
АГРЕССИВНОСТЬ И
ПСИХИЧЕСКАЯ
САМОЗАЩИТА
ЛИЧНОСТИ

Альберт Налчаджян

**Агрессивность человека. Том 1.
Агрессивность и психическая
самозащита личности**

«Налчаджян Альберт Агабекович»

2005

Налчаджян А. А.

Агрессивность человека. Том 1. Агрессивность и психическая самозащита личности / А. А. Налчаджян — «Налчаджян Альберт Агабекович», 2005

ISBN 978-5-469-00269-7

Книга написана одним из известных современных психологов и посвящена актуальным проблемам психологии агрессивности и психологической самозащиты личности. На основе достижений современных наук о человеке в книге последовательно раскрываются узловые проблемы человеческой агрессивности: сущность и разновидности агрессии, ее психобиологические и социальные истоки, связи с другими психическими явлениями, в первую очередь – с неагрессивными защитными механизмами личности, и другие. Автор предлагает ряд новых гипотез и концепций о механизмах пошагового усиления (эскалации) агрессии, о последствиях агрессивности и подавления мстительной агрессии, об агрессивных защитно-адаптивных комплексах, о психологической сущности таких явлений, как зависть, подозрение и т. п. Книга исключительно богата новыми идеями и может стимулировать новые исследования в области психологии агрессивности, и психологической самозащиты человека. Она является первым томом фундаментальной трехтомной монографии автора «Агрессивность человека» и седьмой книгой серии «Вечные заботы». Предназначена для психологов, преподавателей и студентов, а также широкого круга читателей, которые интересуются проблемами и достижениями современной психологии. Книга выходит в авторской редакции.

ISBN 978-5-469-00269-7

© Налчаджян А. А., 2005

© Налчаджян Альберт
Агабекович, 2005

Содержание

Предисловие	7
Глава 1. Природа агрессии и агрессивности	9
§ 1. Агрессия: внутриспсихический и поведенческий аспекты	9
§ 2. Агрессивность, деструкция и вандализм	17
§ 3. Принуждение и насилие (о неагрессивном принуждении)	20
§ 4. Теоретические представления об агрессии	22
§ 5. Политико-психологические теории агрессии	26
§ 6. К психоистории агрессивности (агрессивность в истории человечества)	28
§ 7. Принцип сопряжения в психологии агрессии	31
§ 8. Методы исследования агрессии	33
Глава 2. Фрустрация, агрессия и психическая защита	41
§ 1. Что такое фрустрация?	41
§ 2. Гипотеза фрустрации-агрессии	42
§ 3. Новые проблемы исследования агрессии в трудах Н. Миллера и соавторов	44
§ 4. Основные фрустраторы и условия фрустрации	45
§ 5. Факторы, определяющие силу агрессии	52
§ 6. Уровень притязаний, реальный результат, фрустрация и сила агрессии	56
§ 7. Неприятные раздражители и агрессия	58
§ 8. «Аверсивные» стимулы как стресс-фрустраторы	60
§ 9. Конфликт, фрустрация и агрессия	63
§ 10. Фрустрация и ослабление агрессии	65
§ 11. Воображение и агрессия	68
§ 12. Непосредственные эмоциональные ответы на воздействие фрустраторов	70
§ 13. Специфические фрустраторы женщин	73
§ 14. Психологические особенности враждебности	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Альберт Налчаджян
Агрессивность человека.
Том первый. Агрессия и
психическая самозащита личности

© Налчаджян А. А., 2005

© Издательство «Огебан», 2005

Предисловие

Агрессия, садизм, вандализм, убийства и самоубийства – явления, сопутствующие историю человечества с незапамятных времен. Крайним выражением человеческой агрессивности является этноцид (геноцид) – позор человечества и, в частности, истории 20-го века. Различные уровни и разновидности агрессии неотделимы от жизни людей, и если мы хотим знать природу человека, его возможные действия в различных ситуациях жизни, истоки его поступков, которые оцениваются как иррациональные и деструктивные, мы должны исследовать человеческую агрессивность и ее взаимосвязи с другими психическими явлениями.

В настоящей книге предпринята попытка представить читателю современное состояние исследования человеческой агрессии и ее последствий. Общий подход автора сводится к следующим утверждениям: а) агрессия по основной своей функции является адаптивным, т. е. приспособительным механизмом как у животных, так и в жизнедеятельности людей; б) как и другие адаптивные механизмы, которыми спонтанно пользуются люди в ситуациях стресса и фрустрации, агрессия может стать чрезмерной и патологической, а потому и разрушительной; в) агрессия нередко тесно переплетается с другими психическими механизмами, составляя адаптивные или дезадаптивные комплексы и стратегии.

Об агрессии говорили уже авторы первых работ по социальной психологии. Но началом систематических научных исследований психологии агрессии следует считать публикацию книги Дж. Долларда и его соавторов «Фрустрация и агрессия» (1939 г.). Почти два десятилетия идеи этих авторов были преобладающими в области исследования психологии человеческой агрессии. И мы тоже обсудим их идеи в различных разделах настоящей книги. Следующим этапом можно считать начало 60-х годов, когда Арнольд Басс (1961) и Леонард Берковиц (1962) изобрели технику измерения агрессии в лабораторных условиях. Эти работы, а также этологические труды К. Лоренца, Н. Тинбергена и многих других стали катализаторами, стимулировавшими сотни новых исследований. Безусловен вклад психоаналитиков в исследование человеческой агрессивности и ее мотивации. Мы стремились учесть все эти достижения и делать один из первых шагов к их синтезу с целью развития общей теории агрессивности и агрессивного поведения человека.

В настоящей книге, наряду с достижениями различных научных школ и индивидуальных исследователей, представлены также скромные результаты собственных исследований автора. В некоторых главах нами предлагаются новые идеи и гипотезы. Формулируются новые проблемы, которые могли бы стимулировать эмпирические и теоретические исследования агрессии и взаимосвязанных с ней психических явлений. Хотя книга написана строго научно, она, как мы надеемся, доступна самому широкому кругу читателей. Многие явления иллюстрируются примерами из повседневной жизни и из истории разных народов. Исследование агрессии – это исследование важных и чрезвычайно интересных аспектов жизни людей, социальных и этнических групп.

В первом томе рассматриваются психологическая природа, биологические (эволюционные и физиологические) корни и механизмы **агрессии**¹, ее мотивация и разновидности, связь с другими механизмами психологической самозащиты личности.

Агрессия исследуется нами как на индивидуальном, так и на групповом, т. е. социально-психологическом уровнях. В этой части книги по существу представлена общая тео-

¹ Слово «агрессия» – от латинского корня *aggredi – ad gredi*, где *grades* означает шаг, а *ad* – К. Таким образом, первичное значение слова «агрессия» – двигаться вперед, к определенной цели, причем без колебаний, без сомнений и страха. Соответственно *regression* (регрессия) – от *re* – назад и *grades* – шаг, означает двигаться назад, отступать.

рия агрессии, которая является необходимой предпосылкой для обсуждения в последующих главах более специальных вопросов психологии человеческой агрессивности. Высказана точка зрения, согласно которой агрессию можно исследовать на трех уровнях, причем только раскрытие причин на этих трех уровнях позволяет понять истинные мотивы агрессивных действий людей. В качестве таковых выделяются следующие: 1) биологический и культурологический уровень (генетические механизмы, культурные традиции); 2) личностный и ситуационный уровни; 3) аффективный и когнитивный уровни².

Но сразу видно, что каждый из этих «уровней» состоит по крайней мере из двух подуровней. Так, биологический и культурный уровни вряд ли следует объединить в один уровень, ведь это весьма различные, хотя и взаимосвязанные сферы мотивации агрессивного поведения. В биологический уровень входят тесно взаимосвязанные генетический и физиологический подуровни и т. п. Детерминации всех этих уровней в определенной степени представлены в настоящей книге. Большое место уделяется взаимным связям агрессии с такими защитными механизмами, как вытеснение, подавление, атрибуция, проекция, формирование обратной реакции и другие.

Второй том посвящен в основном социально психологическим аспектам индивидуальной и групповой агрессии. В третьем томе исследуются психологические особенности особо агрессивных людей. Автор надеется, что несмотря на трудности, в скором времени сможет найти возможность для публикации этих книг.

Альберт Налчаджян
18.08.2005 г.

² См.: *Krebs D.L. Altruism and Aggression. In Lindzey, G. and Aronson, E. (Eds.) The Handbook of Social Psychology. Vol.2, New York, 1985, p. 3.*

Глава 1. Природа агрессии и агрессивности

§ 1. Агрессия: внутрипсихический и поведенческий аспекты

А. О природе агрессии

Агрессия – специальная форма поведения человека и животных, направленная на другие объекты и имеющая цель причинить им вред. Человек может, пройдя мимо другого, случайно, ненароком столкнуться с ним, ударить рукой, не заметив, что тот стоит рядом или проходит мимо. Человек, получивший удар, может ощущать боль, переживать чувство оскорбления, иметь другие неприятные переживания. Ему может показаться, будто ударивший его человек – агрессор, злоумышленник. Однако если у этого незадачливого «злоумышленника» не было внутренней мотивации, попросту говоря, желания совершить агрессивные действия, то его поведение в психологическом смысле нельзя считать агрессивным. В дальнейшем мы увидим, что внутренняя мотивация агрессивного поведения не сводится только к осознанным намерениям, она может быть подсознательной и сложной.

Агрессия в подлинном смысле слова имеет место лишь тогда, когда человек имел сознательное намерение или какой – либо другой внутренний мотив совершения этих вредных действий. О подлинной агрессии можно говорить тогда, когда человек хочет уничтожить какие-либо ценности³. Он должен понимать предмет своей агрессии как ценность, существование которой для него нежелательно.

Человечество из длительного своего опыта межличностных отношений училось различать эти два вида вредоносных действий.

Внешне агрессивными представляются многие действия людей, истинный мотив которых – желание помочь другим. Например, хирург оперирует больного, стоматолог удаляет зуб и т. п., и все они причиняют своим пациентам боль, но агрессоры ли они? Правда, о хирургах существует мнение, что они – люди агрессивные и именно поэтому выбрали такую специальность. Они, по-видимому, получают садистическое удовольствие от того, что режут людей.

Если определенные действия не завершились нанесением вреда, то это еще не значит, что они не были агрессивными. Таковы, например, неудавшиеся покушения на убийство или самоубийство.

Как мы видим, агрессия имеет два аспекта: а) *внутренний, мотивационный аспект*, куда, кроме мотива (например, желания) и цели агрессивных действий входят также те чувства и эмоции, например, ненависть и гнев, которые приводят к агрессивным действиям, определяют их длительность, интенсивность и разрушительную силу. Этот аспект мы еще рассмотрим несколько подробнее; б) *внешний или поведенческий аспект*: здесь имеются в виду различные агрессивные действия, в том числе речевые: недаром говорят о речевой деятельности человека. В последующих главах мы подробно рассмотрим также основные разновидности агрессивного поведения человека в их связи с внутренними, мотивационными и эмоциональными факторами, порождающими агрессивные действия.

³ См.: *Buss A.H. Aggression pays. In: "The control of aggression and violence", Ed. By J. L. Singer. New York, Academic Press, 1971; Bandura A. Aggression: A social learning analysis. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice – Hall, 1973.*

Учет поведенческого аспекта агрессии позволяет дать операциональное ее определение, т. е. выразить данное явление в терминах некоторых измеряемых объектов и действий. Таковыми могут быть: а) количество попыток нанести ущерб другому, например, сослуживцу, соседу и т. п.; б) количество преступлений за определенный отрезок времени в определенной стране или в ее отдельном регионе; в) в межэтнических отношениях операциональный подход должен учесть случаи конфликтов и межэтнических агрессивных действий, например, убийств.

О важнейшей роли внутриспсихических аспектов агрессии свидетельствует то, что один и тот же внешний объект не всегда вызывает агрессивное поведение человека. По отношению к объекту живой организм, тем более человек, поведение которого отличается избирательностью, в одной ситуации проявляет агрессию, в другой ведет себя мирно. Это может быть результатом изменения внутреннего, психического состояния индивида, которое, в свою очередь, в значительной мере определяется физиологическим состоянием организма. Правда, агрессивные действия в значительной мере зависят также от внешних, ситуативных факторов, в том числе от поведения объекта, который очень часто является человеком или группой людей. Важное значение социальной ситуации ясно видно из такого, например, обычного события: мы с ребенком находимся среди людей и он совершает недопустимые, с нашей точки зрения, действия. За это, убеждены мы, он заслуживает наказания. Но мы его в данной ситуации не наказываем, откладываем наказание исходя из педагогических, эстетических и иных соображений.

Б. Природа объекта и агрессия

Мы уже сказали, что агрессивные действия человека могут направляться как на окружающих людей и социальные группы, так и на неодушевленные предметы. Но по этому вопросу высказана еще одна точка зрения, о которой здесь необходимо сказать.

Роберт Бэрн и Дон Бирн, известные социальные психологи США, считают, что вредные действия являются агрессивными только тогда, когда направлены на людей. Направленные же на животных и особенно на неодушевленные предметы вредоносные действия считаются агрессивными только тогда, когда косвенно направлены на их владельцев. Например, повреждение автомашины следует считать косвенной агрессией, направленной против ее владельца. Если же этого нет, то вредные действия, разрушающие неодушевленные предметы, эти психологи предлагают считать лишь экспрессивными.

Эту точку зрения мы считаем весьма спорной. Принимая ее, мы не можем понять, каким образом перенесение агрессивных действий с человека на нейтральные объекты может привести к разрядке и ослаблению интенсивных агрессивных намерений, т. е. к *катарсису*. Добавим, что агрессия, направленная против людей, может сочетаться с экспрессивными движениями.

Мы думаем, что точка зрения упомянутых авторов, определяющих агрессию как действие, направленное на другое живое существо (организм), искусственно ограничивает сферу исследований и оставляет за ее пределами множество явлений, тоже относящиеся к категории агрессии (например, вандализм).

Но это еще не все. Такое определение приводит к серьезным ошибкам и недоразумениям. Например, А. Бандура и другие психологи экспериментально исследуют, каким образом агрессивное поведение взрослого подражается ребенком и последний так же агрессивно ведет себя с игрушкой Бобо, как и взрослый⁴. Затем нам говорят, что поскольку Бобо – не

⁴ Bandura A., Ross D. and Ross S. Transmissions of aggression through imitation of aggressive models. "Journal of Abnormal and Social Psychology", 1963, Pp.575–582.

живое существо, то поведение ребенка нельзя считать агрессией⁵. Но тут же приводятся новые данные о том, что те дети, которые агрессивны к Бобо, показывают более высокий уровень агрессии и в других отношениях, проявляют другие формы агрессии⁶. Учителя и родители свидетельствуют, что они в общем более агрессивны, чем другие дети.

Но если тут налицо идея *переноса* агрессии от Бобо к людям и другим игрушкам, тогда возникает вопрос: что же они переносят? Или можно подойти к проблеме с другой стороны: если ребенок имеет общий высокий уровень агрессивности и конкретизирует ее на игрушках, что же он конкретизирует? Неужели агрессия, направляясь на людей или на другие живые существа, остается агрессией, а когда направляется на неживые объекты, превращается в нечто иное? Ясно, что такой вывод – бессмыслица!

А дело в следующем: а) агрессия остается агрессией независимо от своего объекта; б) подвергая агрессии Бобо, ребенок может воспринимать его как живое существо, поскольку его мышление в значительной мере является анимистической; в) наконец, еще одно важное обстоятельство: ребенок может идентифицировать Бобо с его хозяином. В таком случае агрессия, направленная на игрушку, является косвенным выражением агрессии к взрослому, ее переносом от опасного объекта на безопасный, т. е. на неспособный дать отпор предмет.

Очевидно, что ограниченное определение агрессии как вредоносного действия, направленного только на живые существа, себя не оправдывает и препятствует исследованию агрессии в полном объеме.

С рассмотренной спорной точкой зрения Р. Бэрона и Д. Бирна связана другая: они считают, что действия человека можно считать агрессивными, если есть объект (жертва или реципиент), который желает уйти от этих действий. Отсюда они приходят к весьма спорному выводу о том, будто если объект хочет быть жертвой агрессивных действий другого (например, мазохист, любовница, жаждущая внимания своего возлюбленного), то эти действия не являются агрессивными⁷. С этим, конечно же, нельзя согласиться, так как человек, совершающий подобные действия, имеет мотив, намерение нанесения вреда реципиенту своих агрессивных действий. Мы считаем, что принятие весьма распространенной точки зрения упомянутых авторов необоснованно упростило бы проблему мотивации и разновидностей агрессии.

Поскольку психологов, тем не менее, главным образом интересует агрессия, направленная на людей, здесь мы предлагаем ряд вопросов, ответы на которые могли бы расширить наши представления о социально-психологических механизмах выбора объектов агрессии.

Кто чаще всего становится объектом агрессии для человека? Тот ли индивид, к которому он безразличен, т. е. с которым не имеет никакой идентификации? Или же тот, с кем у человека имеется *отрицательная идентификация*? (Возможный объект агрессии в этом случае считается таким человеком, каким нельзя, нежелательно быть). Наконец, может быть, тот, с кем у человека имеется *амбивалентная идентификация*? (В этом случае наш субъект А и хотел бы в определенных аспектах быть таким человеком, как Б, и не хотел бы – вследствие наличия у Б неприятных для себя черт). Этот третий случай представляет значительный интерес как наиболее сложный.

Мы полагаем, что индивид Б, вызывающий амбивалентную идентификацию и установку А, чаще всего становится объектом агрессии для А, поскольку: а) А стремится иметь контакты с Б; б) А часто разочаровывается в Б; в) у А часто возникает внутренний конфликт

⁵ См.: Бэрон Р., Ричардсон Д. *Агрессия* СПб, М., 1997; Deaux K., Dane F.C. and Wrightsman L.S. *Social Psychology in the 90s*, Brooks/Cole, Pacific Grove (Calif.), 1993, p.258.

⁶ Johnston A., DeLuca D., Murtaugh K. and Diener E., *Validation of a laboratory play measure of child aggression*. "Child development", 1977, 48, Pp. 324–327.

⁷ Baron R. and Byrn D. *Social Psychology, Understanding Human Interaction*. 2nd ed., Allyn and Bacon, Boston etc., 1977, p.408.

между его противоположными установкам и идентификациями; г) А чаще всего разочаровывается в Б (т. е. фрустрируется с его стороны), что вызывает его агрессию: ведь А ждет от Б симпатии и даже любви, выражения положительных черт личности, сотрудничества и т. п., тогда как Б часто фрустрирует и разочаровывает его. Правда, следует иметь в виду, что при таких фрустрациях А может пользоваться не только агрессией, но и неагрессивными защитными механизмами. Он может, например, проецировать, рационализировать, обижаться на Б и т. д.

В. Эмоции, страсти и агрессия

Итак, в психологическом смысле подлинная агрессия имеет место тогда, когда личность ставит перед собой цель нанесения вреда другому человеку или другому объекту. Человек должен иметь соответствующий мотив. Если мотив осознанный, подлинность агрессии более убедительна для человека. Наносимый вред или травма могут быть как физическими, так и психологическими. Причем исследователи человеческой агрессии очень верно отмечают, что она является поведенческим выражением враждебности и гнева личности, направленных против фрустраторов⁸.

Когда на пути достижения цели возникает какое – либо препятствие, человек переживает *гнев* и *ярость*. Эту эмоцию вызывают также оскорбление, обман и другие неприятные действия других людей, которые, как мы увидим, объединяются под названиями «фрустраторов» или «стресс-фрустраторов». Гнев может постепенно накапливаться и, в конце концов, привести к взрыву агрессивных действий. Человек, переживающий гнев, находится в очень активном физиологическом состоянии. Существуют врожденные компоненты мимики, возникающие при гнев, хотя обучение, социализация и самообладание тоже играют роль. Есть люди, которые неплохо скрывают свой гнев.

Разгневанный человек желает напасть на препятствие и уничтожить его, т. е. он желает совершить агрессивные действия. В состоянии гнева люди чувствуют себя сильными и смелыми. Гнев обычно возникает вместе с *отвращением* и *презрением*. Эти эмоции составляют триаду или *комплекс враждебности*, в котором ведущей и сильнейшей эмоцией является гнев. Иногда к этому комплексу присоединяется страдание, которое, однако, играет второстепенную роль. Уровень страха при этом очень низкий, поскольку гнев подавляет страх. Гнев играет существенную роль при самозащите животных и человека. Эта эмоция в процессе эволюции способствовала сохранению вида «человек разумный», так как мобилизует силы и направляет их против врагов. Но в современном обществе сильный гнев, порождая агрессивные и разрушительные действия, нередко приводит к нарушению социальных, этических и юридических норм. Цивилизация привела к подавлению мимики, пантомимики и главных и поведенческих выражений гнева⁹.

От гнева к агрессии. *Считается (Л. Берковиц и другие), что гнев вызывает агрессию не непосредственно, а через мысли об агрессии. В свою очередь, мысли об агрессии могут вызвать к жизни гнев. Например, во время одного эксперимента испытуемых просили написать эссе в защиту наказания, при этом они переживали такой же сильный гнев, как и при воздействии на них неприятного стимула (например, холодной воды). У этих людей исследователи наблюдали более интенсивные агрессивные действия, чем у тех, кто написал эссе*

⁸ См.: **Berkowitz L.** *Aggression. A Social Psychological Analysis.* New York, 1962, p.9; **Berkowitz L.** *Aversively stimulated aggression. "American Psychologist", 1983, 38, Pp. 1135–1144;* **Berkowitz L.** *The experience of anger as a parallel process in the display of impulsive, "angry" aggression. In R.Green and E.Donnerstein (Eds.), Aggression: Theoretical and empirical review.* New York: Academic Press, 1983.

⁹ **Изард К.** *Эмоции человека.* М., Изд-во МГУ, 1980, С. 290–295.

о холодной погоде и снеге. *Когда человеку удается сосредоточить внимание на свой гнев, в его сознании* успевают появляться нормы, контролирующие и сдерживающие агрессию: учет этих норм подавляет агрессию.

Мы считаем, что здесь играет роль еще один механизм: известно, что напряженная *интроспекция* психического содержания уничтожает это содержание. Возможно, что процесс разрушения гнева сочетается с процессом осознания норм социального поведения и с предвосхищением негативных последствий агрессивных действий. Эту гипотезу еще предстоит проверить.

Г. Зависть и агрессия

Зависть является одним из тех чувств, которые связаны с переживанием относительной или абсолютной депривации личности, т. е. с фрустрацией. Есть люди, для которых успех другого человека является собственной неудачей. Причем для таких фрустраций специфично именно появление того особого чувства, которое традиционно называют завистью.

Какова структура зависти? Не будет ли правильнее считать ее особой социальной установкой? Если зависть – установка, тогда нетрудно применить к ее анализу существующие представления о структуре социальной установки. Поразмыслив немного, мы приходим к выводу, что в состав зависти входят: а) чувство враждебности, желание уничтожить фрустратора или хотя бы нанести ему ощутимый вред, совершить агрессивные действия; б) когнитивные (познавательные) элементы: знание об успехах другого, сравнение со своими достижениями, оценка уровня «справедливости» и т. п.; в) готовность к агрессивным действиям по отношению к объекту зависти и даже воображаемые схемы таких действий. «Почему он, а не я?» – вот один из наиболее часто возникающих в голове завистника вопросов. Когда ситуация для завистника благоприятна, его когнитивные схемы агрессивных действий порождают реальные агрессивные действия.

Познавательные элементы и чувство враждебности, входящие в комплекс зависти, фактически составляют особый мотив, выражающийся как внутренняя готовность к агрессии. Следует иметь в виду следующее: приведет ли зависть к агрессивным актам, зависит от ряда факторов, в том числе от ситуации. В связи с завистью, которую, как мы сказали, следует считать социальной установкой, специального изучения требует парадокс Р. Лапьера¹⁰. Этот общеизвестный парадокс состоит в том, что установка очень часто не приводит к соответствующим действиям, а иногда люди совершают даже противоположные действия.

Следует также изучить связь зависти с *когнитивным диссонансом*, т. е. с состоянием, когда между различными мыслями об одном и том же объекте существуют разногласия или когда эти мысли противоположны. Теория когнитивного диссонанса может иметь важные применения в науке о человеческой агрессивности. Можно предположить, что *во многих случаях зависть возникает как следствие когнитивного диссонанса и как сильный фрустратор личности*. Такой диссонанс появляется вследствие несовместимости для сознания личности различных пар когнитивных элементов психики: а) первый элемент: «А добился успеха», второй элемент: «Я потерпел поражение»; б) «А добился успеха» – первый элемент. «Но он не заслужил его» – второй элемент. Такую разновидность мы бы назвали диссонансом, возникшим вследствие нарушения субъективного истолкования чувства справедливости или, в краткой форме, “диссонансом несправедливости”. На основе анализа конкретных случаев зависти можно обосновать и расширить данную концепцию зависти, которая, как мы видели, опирается на теории социальных установок (аттитюдов) и когнитивного диссонанса.

¹⁰ См.: Трусов В. П. Социально-психологическое и исследование когнитивных процессов. Изд-во ЛГУ. Лен., 1970.

Следует иметь в виду, что во многих случаях свою ненависть и агрессивные действия человек осознает, но лежащую в их основе социальную установку – зависть – не осознает, поскольку она подавляется и(или) вытесняется. Подсознательная зависть требует особенно тщательного изучения. Она, по нашему мнению, внешне преодолевается с помощью защитных механизмов, в первую очередь – вытеснения, подавления и рационализации, так как является мощным фрустратором для собственной я-концепции личности. **Осознать свою зависть к другому – это означает признать свое отставание, неполноценность, недееспособность и т. п.** Это приводит к образованию комплекса неполноценности, который, в свою очередь, усиливает зависть, порождает постоянную готовность к переживанию чувства зависти. Против осознания таких знаний выступают мощные защитные силы личности.

Для тех, кто хотел бы заниматься дальнейшей разработкой психологической теории зависти, мы бы предложили исследовать разновидности зависти, взаимосвязи зависть-вытеснение, зависть-рационализация, зависть-проекция, зависть-ревность, а также патологические последствия зависти в жизни тех, кто очень часто завидует. Зависть связана с самоуважением, с уровнем притязаний, с соотношением успехов и неудач и с их субъективными оценками. Враждебность является компонентом зависти (как сложного чувства), а агрессия – одним из ее последствий. Важна проблема рационализации (оправдания, обоснования, мотивировки) и сублимации зависти, особенно ее враждебных компонентов.

Д. Тревога, страх и агрессия

У тревожных людей порог толерантности к фрустраторам ниже, чем у нетревожных и малотревожных индивидов. Тревожные личности приходят в гневливое состояние под влиянием более слабых фрустраторов¹¹. Поскольку тревожность имеет наследственные основы, следует предположить, что существуют связи между наследственностью и агрессивностью. Это, впрочем, доказывается, как мы увидим, и другими путями. Обнаружено также, что у **интровертных** более высокий уровень тревожности. Это означает, что они должны испытывать интенсивные чувства враждебности и ненависти, психологической готовности к агрессивным действиям. Но поскольку представители этого типа подавляют свою активную агрессивность, они должны переживать острые и длительные внутренние конфликты.

Страх возникает в условиях опасности или ее угрозы в будущем. Эта эмоция возникает и тогда, когда отсутствует какое-либо условие, необходимое для безопасности человека. Например, ребенок переживает страх при отсутствии матери, гаранта его безопасности. Есть и целый ряд других условий возникновения страха, которые подробно описываются в литературе¹². Встречаются также случаи беспредметного страха. Мы предполагаем, что все переживали страх и интуитивно понимают, о чем идет речь.

Здесь же нас интересует одна проблема: каким образом взаимосвязаны страх и агрессия? Отметим, во-первых, что страх, как и агрессия, наряду с другими функциями, имеет и следующую: он является важным психозащитным механизмом личности. Эта особенность объединяет страх и агрессию. А поскольку функционально они сходны, можно предположить существование между ними более глубоких взаимосвязей. К сожалению, эта проблема никогда серьезно не рассматривалась. Так, в обширной книге К. Изарда “Эмоции человека”, где вся 14-я глава посвящена страху и тревоге, рассматриваются связи страха со многими другими эмоциями и познавательными процессами, а вот связи с агрессией и враждебностью не обсуждаются.

¹¹ См.: *Bowlby John. Separation. Anxiety and Anger. Basic Books. New York, 1979.*

¹² Обзор этой литературы см. в упомянутой книге К. Изарда (гл.14).

Мы считаем, что страх может вызвать гнев и враждебность, а это уже такие эмоции, которые мотивируют агрессивные действия. Дело в том, что страх вызывается при наличии реальной угрозы для жизни и других важных ценностей человека, или в результате предвосхищения такой угрозы. Это значит, что *переживающий страх человек фрустрирован*. Но если есть фрустрация, одним из обычных ответов на нее будет агрессия. Причем человек в состоянии страха и ужаса (сильнейшего страха) может предпринимать превентивные действия против реальных или воображаемых агрессоров. В таких случаях часто происходит замещение объекта агрессии и поиск козлов отпущения. Поэтому страх является социально вредной эмоцией: вызывая агрессию, он может привести к несправедливым действиям, например, к наказанию невиновных и незащищенных людей, к разрушительным действиям. По-видимому, среди агрессоров-садистов много трусливых людей.

Е. Агрессия и личная дружба

Здесь мы ограничимся обсуждением еще одного вопроса, касающегося связей агрессии с другими чувствами. Вопрос этот в психологии поднял К. Лоренц, известный этолог, но его исследование, насколько нам известно, не имело серьезного продолжения. Отметив, что большое стадо, образованное из многих безымянных индивидов, и личная дружба, несовместимы, К. Лоренц затем утверждает: *личная дружба всегда сочетается с агрессией*. «Нам неизвестно хотя бы одно животное, – писал он, – который был бы способен на личную дружбу и был бы лишен агрессии»¹³.

Есть животные, которые агрессивны только в фазе воспроизводства (сезонно), а в остальное время лишены агрессивности и составляют стада или стаи. Когда такие существа образуют индивидуальные связи, то последние быстро разрушаются, по мнению К. Лоренца, из-за отсутствия или слабости агрессивности индивидов. По этой причине брачные пары аистов, целого ряда видов рыб и птиц не сохраняются, они распадаются, как только формируются анонимные стада (стаи) для миграции.

Но здесь существует проблема: а почему неагрессивные индивиды одного вида не могут дружить? Не является ли дружба способом или возможностью выражения, разрядки агрессивности? Не является ли дружба, а может быть и любовь, возможностью преобразования и сублимации агрессивных импульсов? Здесь есть что исследовать.

Ж. Напористость и агрессия

Считать поведение человека агрессивным, или нет – не всегда легко лишь по его внешним признакам. Существует еще одна форма поведения, которую легко путать с агрессивным поведением. Речь идет о *напористости* человека.

Так, если человек действует самоуверенно, энергично и без усталости стремится к достижению своей цели, т. е. проявляет напористость, не боится соперничества, то легко придти к выводу, будто он действует агрессивно. Но это не всегда так. Может существовать и действительно встречается *агрессивная напористость*: это тот случай, когда человек неуклонно идет к своей цели не гнушаясь нарушения прав других, сметая со своего пути противников и других людей, воспринимаемых в качестве преград, фрустраторов и угроз.

Но, по-видимому, не все случаи самоуверенной, энергичной и целенаправленной деятельности являются агрессивными. Например, был ли Альберт Эйнштейн напористым чело-

¹³ Lorenz K. *On aggression*, New York, Harcourt, Brace and World, 1966, p. 142.

веком? Безусловно! Однако считать его агрессивным человеком, а его деятельность – агрессивной, вряд ли правомерно.

Но встречается немало случаев, например, в среде бизнесменов, когда люди специально наносят друг другу вред для достижения собственных целей. Это уже агрессивное поведение.

§ 2. Агрессивность, деструкция и вандализм

А. Агрессивность

Агрессия, как мы видели, есть действие или ряд взаимосвязанных действий, направленных на определенный объект. Она есть выражение определенных внутренних мотивов, чувств и актуальных эмоциональных состояний.

Агрессивность – это уже черта характера личности. Ее можно определить как *устойчивую установку, позицию, готовностью к совершению агрессивных действий*. Разные люди имеют различные уровни агрессивности. Это означает следующее: если предположить, что все люди злые, то уровень злобности у них различны и по этому признаку их можно даже классифицировать.

Здесь нам помогут аналогии. Так, мы говорим об истерической личности (характере) и истерических реакциях, о шизофреническом характере и шизофренических реакциях и т. п. Агрессивность, в смысле агрессивного характера, выражается в агрессивных действиях, в недовольстве, недоброжелательности и т. п. Правда, следует иметь в виду, что агрессивность личности – не весь ее характер, а только *ведущий комплекс* в характере некоторых людей. Психика здорового человека отвечает на воздействия внешней среды не только агрессией, но и различными другими действиями и реакциями – дружескими жестами и действиями, самозащитой, уступками и бегством, целым рядом познавательных процессов. Но если характер человека крайне агрессивный, эти остальные нормальные возможности сильно сужаются: такие люди ведут себя агрессивно даже в таких ситуациях, где агрессия – неадекватный и вредный ответ.

Агрессивность, по-видимому, является результатом *обобщения* (генерализации) агрессивных действий. Например, если агрессивные действия ребенка в определенной ситуации поощрялись, то в дальнейшем он может, уже без новых поощрений, совершить агрессивные действия не только в сходных, но и в новых ситуациях. Это явление уже стало предметом конкретных исследований¹⁴.

В представленном выше смысле агрессивность, как обобщенная установка личности, вряд ли можно считать инстинктивной или прирожденной. Наследуется, видимо, общая агрессивная тенденция, которая проявляется и связывается с объектом тогда, когда на пути человека к цели появляются препятствия и вообще неприятности. Это прирожденная защитная тенденция человека.

Хотя агрессивность индивида – более или менее устойчивая черта характера, все же в различные периоды его бодрствующей жизни она меняется под влиянием внутренних мотивов и психофизиологических факторов, а также внешних воздействий. Так, когда в поле зрения человека появляется враг, то можно предположить, что его агрессивность должна усиливаться по сравнению с той ситуацией, когда он не видит для себя никаких непосредственных угроз. О возможности таких колебаний агрессивности человека свидетельствуют опыты с просмотром эротических агрессивных фильмов: под их влиянием человек становится более агрессивным и совершает более разрушительные насильственные действия, чем без этих восприятий. Об этом у нас речь пойдет на последующих страницах, когда мы рассмотрим влияние внешних факторов на агрессивное поведение людей.

¹⁴ См., например: *Horton L.E. Generalization of aggressive behavior in adolescent delinquent boys. "Journal of Applied Behavior Analysis", 1970, 3, Pp.205–213.*

Кроме агрессивности индивидов следует говорить также об *агрессивности социальных групп*. В свое время французский социолог Гюстав Лебон и другие исследователи (социологи, психологи и криминологи 19-го века) уже говорили об *агрессивности толпы*. Можно говорить также о различных уровнях агрессивности этнических групп и наций, которая обусловлена уровнем агрессивности их членов, в первую очередь лидеров, а также *агрессивностью той идеологии*, которой эти лидеры руководствуются. Можно предположить, например, что немцы как нация были более агрессивными во времена правления Адольфа Гитлера, чем они являются в наши дни, например, в годы правления Гельмута Коля или Герхардта Шрёдера.

Мы, конечно, интуитивно понимаем, что как индивиды, так и социальные группы имеют различные уровни агрессивности. Но как этот уровень измерить? По-видимому, одним из самых надежных способов является измерение частоты и интенсивности агрессивных действий в условиях отсутствия фрустраций и стрессов или при их одинаковом уровне, когда сравнивается агрессивность различных индивидов и групп. При обсуждении разновидностей агрессии мы увидим, что у многих в течение жизни образуется такой устойчивый и достаточно высокий уровень агрессивности, что специалисты говорят о наличии в них “свободно плавающего гнева”, т. е. агрессивности. По-видимому, будет правильнее говорить о “свободно плавающей агрессивности”, поскольку гнев – только одна из эмоций, составляющих, как мы видели, более сложный комплекс – агрессивность. В такой комплекс входит ряд познавательных и эмоциональных компонентов: мотивы, представления и оценки, устойчивые чувства, и, при его актуализации, также ряд специфических эмоций. Последние составляют то, что называют “враждебным комплексом”.

Именно наличие у человека агрессивности, как психического качества, было, по-видимому, причиной того, что многие мыслители (в древности – историки, политические деятели и философы, а в наши дни – представители науки, на основе опытных данных), считали природу человека злым и агрессивным. Из современных мыслителей достаточно вспомнить З. Фрейда, К. Лоренца, Арнольда Тойнби и многих других.

Б. Агрессивная личность

Прежде чем идти дальше и обсуждать социально-психологические аспекты проблемы агрессии, полезно дать краткое описание *агрессивной личности*. В последующих главах этот психологический портрет будет дополняться все новыми чертами.

Агрессивность человека – сложное психофизиологическое явление. Есть индивидуальные различия в том, как реагируют люди на социальные и физико-химические воздействия среды, как они спят, как общаются и т. п. Здесь мы дадим общую картину агрессивной личности, в значительной мере опираясь на материал, изложенный в трудах Г. Айзенка. В последующем мы рассмотрим также взгляды Тоуча, Берковица и других современных психологов.

Не все люди одинаково реагируют на психотропные вещества. Д. Хилл показал, что люди, чувствительные к стимулирующим лекарствам, отличаются следующими чертами: они агрессивны, у них преобладает общая враждебная тенденция в межличностных отношениях, которая дает о себе знать уже при воздействии слабых фрустраторов.

Самыми чувствительными оказываются именно те люди, которые способны на теплые личные отношения, но постоянно разрушают свои уже установившиеся связи в семье, на работе и в обществе друзьями своими импульсивными всплесками, раздражительностью, мелкими актами насилия и нетерпимостью к другим людям. У таких людей чувство ответственности развито слабо, у них налицо тенденция к нарушению моральных норм и установок общества.

Эти люди спят достаточно глубоким сном. В годы детства они страдают энурезом (ночным недержанием мочи), который в дальнейшем исчезает. Их сексуальные влечения чрезмерны или в этом отношении они болезненно раздражительны. Электроэнцефалограмма (ЭЭГ) мозга у таких людей часто остается незрелой (детской) всю жизнь.

Среди таких людей есть алкоголики. У них сохраняется привычка грызть ногти даже в годы взрослости, склонность к внешне немотивированным мелким кражам. Они способны на акты поджога и саботажа, особенно в подростковом возрасте. Действительно, многие авторы сообщают, что в группе малолетних правонарушителей и взрослых преступников индивидов, страдающих энурезом, значительно (около 2,5 %) больше, чем среди остальных людей¹⁵.

Агрессивным людям свойственна жажда новых стимулов, они постоянно переживают сенсорный голод. Сюда входит и постоянное сексуальное желание. Однако у таких людей, если они женаты, количество койтусов (половых актов с супругой, супругом) не очень превышает соответствующее количество у других людей. Но они все время заняты проблемами секса, раздражительны и ощущают «сексуальное щекотанье». И поэтому, получая отказ, они переживают фрустрацию, считая, что лишились чего-то ценного. Вследствие этого в семье могут быть конфликты и несовместимость супругов. После приема стимулирующих средств либидо у них значительно ослабляется. Сексуальная активность понижается. Более слабыми становятся агрессивность и сенсорный голод.

Крайние формы поведения агрессивной личности – убийство или самоубийство. Широко распространенная точка зрения, согласно которой люди, совершающие эти крайние формы поведения, всегда психически ненормальны, не соответствует действительности. В частности, исследования психиатра Амбрумовой показали, что среди самоубийц психотики составляют не более 30 %.

Точку зрения, согласно которой убийство и самоубийство – поступки психически больных людей, обычно аргументируют следующим образом: считая соотношение положительного (приятного) и отрицательного (неприятного), здоровый человек должен был бы отказаться от этих крайних форм выражения своей агрессивности. Однако такой подход с позиции принципа удовольствия (гедонизма) примитивен, поскольку законы психической активности человека намного тоньше и сложнее, чем думают.

Дело в том, что даже психически самый здоровый человек никогда не сидит за подсчетом баланса приятного и неприятного. Люди обычно действуют спонтанно и их поведение определяется многочисленными внутренними и внешними факторами, в том числе тем, как сочетаются в их психике черты интроверсии и экстраверсии с невротизмом (т. е. высокой эмоциональностью). Эти сочетания, например, сочетание у невротиков интроверсии и невротизма, порождают неконтролируемые импульсы. Когда импульсивность таких людей подавляется и они фрустрируются, они переживают психическое состояние агрессивности. Еще более опасна агрессивность тех людей, у которых экстраверсия, т. е. склонность преимущественно к внешней активности и общению, сочетается с высокой эмоциональностью. Мы считаем, что большинство агрессивных людей принадлежит этой категории. Многие преступники, совершившие насильственные преступления, как показал Г. Айзенк, принадлежат к этой категории людей.

¹⁵ См.: *Eysenck H.J. Fact and Fiction in Psychology, Pp. 285–286.*

§ 3. Принуждение и насилие (о неагрессивном принуждении)

Всегда ли *принуждение* является насилием, т. е. агрессией, применяемой против воли другого человека? Мы считаем, что неадекватный ответ на данный вопрос приводит к недоумениям, поэтому должны заняться его обсуждением.

Приведем пример. Отец принуждает больного сына пить противное на вкус лекарство. Тот сопротивляется (это проявление его воли и протеста), но отец *принуждает* его принять лекарство и, в конце концов, добивается своей цели. Являются ли его действия агрессивными? Применил ли он насилие? Принуждение, безусловно, имело место, но насилие?

Мы думаем, что поведение такого отца нельзя считать агрессивным, если иметь в виду психологическое определение агрессии и насилия как желания причинить вред другому человеку и реальное нанесение такого вреда. Более того, отец больного мальчика хотел блага своему сыну. Поэтому его действия можно даже считать по своему характеру противоположными агрессии и насилию.

Принуждение – это во многих случаях такое «насилие», цель которого – благо, польза объекта такого социального воздействия. Правда, в обычной речи «принуждать» означает «заставлять» другого делать что-либо против своей воли, т. е. имеет смысл насилия. Но какой-то термин следует придумать для обозначения той разновидности принуждения, целью которого является благо объекта принуждения. Принуждая человека (заставляя его) принимать лекарство и спасая его жизнь, отец, мать или врач могут совершить такие действия, которые внешне выглядят как агрессивные, насильственные. Но их мотивация иная: или полностью неагрессивная, или же смешанная.

Дело, как мы видим, сложное. На этапе принуждения и покорности действия родителя могут даже причинить сыну боль и квалифицироваться как агрессивные. Точно так же врач или медсестра делают уколы, которые болезненны и даже наносят некоторые повреждения телу больного. Но такая агрессия необходима как предпосылка для следующего этапа – впрыскивания лекарства и лечения организма. Если бы медсестра лишь уколола человека, она была бы только агрессором.

Поэтому цели реальных действий могут быть многообразными, мотивация – сложной, одновременно агрессивной и неагрессивной, даже гуманистической. Только при таком подходе мы поймем смысл действий хирурга, стоматолога и других представителей медицины. Принуждение, по-видимому, является более широкой категорией, таким способом социального воздействия, который имеет свои агрессивные варианты и разновидности.

Деструктивность или разрушительность мы понимаем как более высокий уровень агрессивности и ее выражение в таких действиях, целью которых является разрушение, уничтожение других людей или фрустраторов. Если обычные, умеренные формы агрессии имеют своей целью лишь подавление, отвлечение, устранение препятствия с дороги для продолжения своей целенаправленной деятельности, то при деструктивности враждебность так сильна, что агрессор стремится обязательно уничтожить противника. За деструктивными действиями – если они не являются только подражанием социальным моделям – стоят сверхсильные агрессивные мотивы и агрессивность как обобщенная установка.

Поэтому следует различать *деструкцию* (разрушение) и деструктивность (разрушительность). Деструкция есть крайняя форма агрессивных действий, агрессивного поведения, а деструктивность – крайнее состояние агрессивности и жестокости, специальная склонность человека или групп к разрушению ценностей и уничтожению людей. Деструктивность и деструкция направлены на разрушение предметов, людей, даже целых социальных и этнических групп. Как справедливо отметил Э. Фромм, деструктивность и жестокость

– специфически человеческие явления, они вызывают у таких людей чувство наслаждения. Они отсутствуют у многих млекопитающих, филогенетически не запрограммированы и не являются адаптивными¹⁶. Подобные действия нередко бесцельны и не способствуют адаптации человека к условиям своего существования.

Агрессия имеет тенденцию переходить в деструкцию, когда сопротивление объектов агрессии (жертв) усиливается. Если агрессивный человек стремится лишь подавить противника, сделать его недееспособным и подчинить своей воле, то деструктивный человек, встречая сопротивление, не удовлетворяется поражением противника и его подчинением: он уничтожает его. Границу между нанесением поражения и уничтожением не всегда возможно четко различить. Иногда временно подавляют противника для того, чтобы затем уничтожить. Подавление может быть только первым этапом уничтожения. Как показывает широкий опыт турок и немцев, геноцид подготавливается в целом по этой схеме.

Вандализм есть сильное агрессивное стремление к уничтожению культурных ценностей, всего того, что непонятно и неприемлемо. Вандализм может сочетаться с агрессией, направленной против носителей этих ценностей. Так, тюркские племена, ворвавшиеся в одиннадцатом веке в Малую Азию, сочетали в своем поведении крайний садизм и вандализм. Это многократно зафиксировано в исторических трудах¹⁷. Но о вандализме и садизме подробнее будет сказано в последующих главах.

¹⁶ **Fromm E.** *The Anatomy of Human Destructiveness.* Henry Holt and Co., New York, 1992, p.25.

¹⁷ Богатый материал о сочетании вандализма с садизмом, с крайней, достигающей до патологического уровня агрессивностью в поведении тюркских орд можно найти в трудах византийских и армянских историков.

§ 4. Теоретические представления об агрессии

К настоящему времени предложен ряд теоретических представлений об истоках, видах и функциях агрессивного поведения. Каждая из них правильно отражает определенные аспекты проблемы агрессии и агрессивности. Полученные их представителями результаты мы обсуждаем в соответствующих главах. Поэтому здесь лишь предварительно и очень кратко представим основные идеи этих теорий.

А. Болевая теория агрессии

Эта теория сводится к следующему ряду утверждений:

а) когда агрессивная пара начинает борьбу, то каждый из дерущихся индивидов борется все более и более интенсивно, пока один из них или оба не устанут; б) когда двое агрессивных людей начинают борьбу, они могут сражаться все менее и менее интенсивно или опасно, пока один из них не прекращает борьбу полностью. Такое различие между диадами может быть обусловлено различными стилями агрессивного поведения борющихся, тем, какая стратегия у них преобладает: стратегия борьбы и нападения или же стратегия ухода и бегства.

Но психолог Макал, который, в числе других, обсуждает болевую теорию агрессивности, предполагает также, что агрессивность и тревожность диады усиливаются в соответствии с увеличением силы болезненности «сигналов», исходящих от нападающего. И наоборот, чем слабее болезненность атаки, тем слабее агрессивность и тревога¹⁸. Этим можно объяснить, почему кто-то в данной ситуации хорошо сражается, а в другой – вяло.

Страх перед болью имеет условнорефлекторный характер и часто возбуждает человека, вызывая его агрессивное поведение. Целью таких действий является нанесение агрессору еще более сильных болевых ударов и уменьшение собственных болевых ощущений. Причинение боли агрессору – средство предотвращения его дальнейших агрессивных действий и своих новых болевых ощущений. Если эти ответные действия не приводят к успеху, борьба может разгореться с новой силой.

Эти теоретические положения приводят к одному интересному выводу: если мужчины, как в настоящее время установлено специалистами, действительно более чувствительны к боли, чем женщины, тогда они должны быть более агрессивными.

Как мы видим, здесь еще нет теории и ее вряд ли следует создать лишь на учете фактора боли. Просто, создавая общую и синтетическую теорию агрессии, следует учесть также положения «болевого теории». Роль боли как регулятора агрессивного поведения следует учесть и тогда, когда мы рассматриваем агрессию в качестве социально-психологического механизма адаптации человека.

Б. Теория инстинктивных влечений

С древнейших времен существует представление о том, что человек – изначально злое, агрессивное существо и имеет прирожденное стремление к разрушительным действиям. В новое историческое время из мыслителей такой точки зрения придерживался английский философ Томас Гоббс (1588–1679): он считал, что первоначальное зло, заключенное в человеке, может быть обуздано только строгими социальными ограничениями.

¹⁸ См.: *Макал К., Psychological Theories of Aggression op. cit., p.10.*

В психологии и пограничных с ней науках двадцатого века это представление было конкретизировано несколькими выдающимися учеными, в числе которых мы в первую очередь видим Зигмунда Фрейда и Конрада Лоренца.

Зигмунд Фрейд, великий основатель психоанализа и глубинной психологии, постулировал существование *инстинкта смерти – танатоса*. Это постоянный источник враждебных импульсов. Если эти импульсы не получают разрядки в безопасных и нормальных формах, тогда, накапливаясь, приводят к импульсивным и разрушительным действиям. Тенденцию к агрессии З. Фрейд считал прирожденной, независимой и инстинктивной диспозицией. Наше тело, согласно Фрейду, постоянно производит агрессивную энергию, которая стремится к выражению, она неизбежна.

Психоаналитические представления об источниках и природе агрессии были развиты Эрихом Фроммом и другими неофрейдистами, на работы которых мы в этой книге будем ссылаться неоднократно¹⁹.

Наличие инстинкта смерти означает постоянное стремление организма вернуться в неживое, неорганическое состояние. Но поскольку человек имеет также инстинкт жизни, его агрессивность чаще всего направляется на внешний мир и сравнительно реже – на самого себя. Кроме того, агрессивность, как и сексуальность (либидо), может быть превращена в полезную деятельность. Это уже процесс *сублимации*²⁰.

Весьма сходную концепцию, но уже на более солидной базе современной биологии, предложил известный этолог Конрад Лоренц. Этот исследователь, получивший звание лауреата Нобелевской премии за свои открытия в области исследования поведения животных в естественных условиях жизни, считает, как мы уже знаем, что агрессивные действия животных и человека исходят из особого *инстинкта драчливости*. Такой инстинкт возник в процессе длительной эволюции и сохраняется, поскольку оказывает полезную услугу в борьбе за выживание²¹.

Одно косвенное доказательство данной гипотезы представляют исследования сна и сновидений животных, в частности, полученные Мишелем Жюве данные о том, что животные (в его экспериментах – кошки) видят сны с агрессивными сценами. Когда экспериментатор наносит повреждение центрам быстрого сна, кошки начинают во сне разыгрывать эти сцены нападения и защиты с явными внешними признаками агрессивного состояния. Исходя из подобных фактов М. Жюве предполагает, что в сновидениях животных и человека имеет место тренировка основных инстинктов вида с целью их сохранения.

Польза от инстинкта драчливости состоит в том, что он позволяет расширить географические границы распространения вида и использовать новые пищевые ресурсы. Поскольку агрессивность тесно связана с процессом спаривания, она способствует сохранению сильнейших индивидов и улучшению вида. Таким образом, К. Лоренц, в отличие от З. Фрейда, считал агрессивное поведение скорее адаптивным, чем саморазрушительным. Как мы увидим в пятой главе настоящей книги, инстинктивная теория агрессии объясняет важные аспекты проблемы агрессии, но нуждается в существенном дополнении. Это стало возможным благодаря созданию теории фрустрации – агрессии и социально-психологических теорий агрессии.

¹⁹ *Fromm E. The Anatomy of Human Destructiveness; Фрейд З. Цивилизация и ее враги.*

²⁰ *См.: Freud S. Beyond the Pleasure Principle. Bentam Books, 1959; Storr A. Human Aggression. New York: Atheneum, 1968. (Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия).*

²¹ *Lorenz K. On Aggression. New York, Harcourt, Brace and World. 1966; ibid: Civilized man's eight deadly sins. Harcourt, Brace and Jovanovich. 1974.*

В. Социально-психологические теории

В эту группу теорий агрессии в первую очередь надо включить теорию *фрустрации-агрессии*, которой мы посвятим отдельную главу. Эта теория предложена группой американских психологов во главе с Джоном Доллардом²². Согласно этой теории, агрессивное влечение возникает тогда, когда на человека воздействуют неприятные факторы среды, в частности такие, которые блокируют его целенаправленную деятельность. Агрессия возникает для устранения этого неприятного фактора, который в общей форме называется *фрустратором*. Фрустрация – это уже психическое состояние, в котором человек оказывается, когда его целенаправленная деятельность блокируется. Возникающее агрессивное влечение приводит к прямым или косвенным агрессивным действиям.

Считается также, что если человек действует агрессивно, он фрустрирован, а если фрустрируется, то должен вести себя агрессивно. Но, как показали дальнейшие исследования, это представление упрощает реальную картину социального поведения человека, поскольку, во-первых, человек нередко подавляет свою агрессию и, во-вторых, существуют неагрессивные реакции на фрустрацию. Но обо всем этом более подробно будет сказано на последующих страницах.

Здесь следует добавить, что теория фрустрации-агрессии не оставляет большого места для оптимизма относительно возможности уменьшения агрессии и насилия в обществе: фрустраторы и фрустрации так широко распространены, что фактически неустранимы из жизни общества. Следовательно, неустранима также агрессия.

Отметим, что, по нашему мнению, теории инстинкта и теория фрустрации-агрессии не только не исключают друг друга, но и совместимы. Для создания синтетической теории следует поставить такой вопрос: каким образом под воздействием фрустраторов у животных и у человека возникают агрессивные действия, если у организма нет внутренних условий для их рождения? Эти внутренние прирожденные условия совершенно необходимы, и таковыми являются инстинкт драчливости (драчливость, танатос и т. п.) и связанные с ним психофизиологические процессы и компоненты, порождающие *агрессивную энергию*.

Другой социально-психологической теорией агрессии является *теория социального обучения* Альберта Бандуры, на основе которой Леонард Берковиц создал свою теорию агрессии. Согласно этой теории, агрессивные действия приобретаются с помощью механизмов учения, в частности, подражания и обусловливания (павловских условных рефлексов и скиннеровского оперантного обусловливания). И об этих теориях у нас будет особый разговор.

Конформизм и агрессия. Предложена также концепция, согласно которой агрессия является разновидностью конформного поведения: ситуация требует от человека действовать конформно и он действует так, поскольку боится возможного наказания²³. Например, за неучастие в линчевании чернокожего предусмотрено наказание со стороны групп расистов. Но за участие тоже предусмотрено наказание, на этот раз уже со стороны государственного закона. Каждый, рассчитав в уме плюсы и минусы того или другого варианта, принимает свое личное решение. Но оно обусловлено конформизмом – желанием приспособиться к ожиданиям той или иной социальной группы или авторитетов.

Вариантом этой теории считается разработанная Стэнли Милгрэмом концепция, согласно которой агрессивное поведение определяется подчинением личности авторитету,

²² Dollard J., Miller N., Mowrer O. and R.Sears. *Frustration and aggression*. New Haven, 1964 (Первое издание вышло в 1939 году).

²³ См.: Larsen K.S. *Aggression: Myths and Models*. Chicago: Nelson-Hill, 1976.

то есть человеку, который обладает властью и авторитетом²⁴. Эта концепция тесно сопрягается с теорией авторитаризма, разработанной группой психологов и социологов, работавших в Калифорнийском университете (США) и представленной в классической монографии «Авторитарная личность»²⁵. Человек, подчиняющийся приказам лидера или руководителя, считает себя обязанным действовать агрессивно, иногда же – намного более агрессивно, чем от него ждали. Авторитарная агрессия связана с группоцентризмом и этноцентризмом, суть которых в том, что своя группа считается выше и лучше других групп, она считается центром всего, что происходит вокруг и все остальное оценивается исходя из ценностей и принципов той идеологии, которой руководствуется группа. Гордость за свою группу сочетается с враждебностью к другим, что и становится основой межэтнической агрессии. Эту проблему мы подробно рассматриваем в другом месте.

²⁴ *Milgram S. Obedience to Authority. New Haven: Harper, 1974.*

²⁵ *Adorno T. a.o. The Authoritarian Personality. New York, 1950.*

§ 5. Политико-психологические теории агрессии

Политико-психологические концепции рассматривают человека в контексте политической активности и пытаются ответить на вопрос об истоках агрессивных политических решений и насилия. Поскольку в данной книге вряд ли придется вернуться к этим концепциям, рассмотрим их здесь несколько более подробно, чем предыдущие.

Теорию мужского нарциссизма предложил американский исследователь Л. Этерджи. Он исследовал воздействия черт личности на решения об использовании власти и военных средств для решения международных проблем. Он считает, что именно личностная структура людей, стремящихся к высоким статусам в американской политической жизни, делает вероятным применение силовых средств и военных решений проблем. Этим людям он, по-видимому, вслед за известным политологом Гарольдом Ласвеллом, называет *нарциссистами*, индивидами с «мужским нарциссическим синдромом».

В сфере политики люди сталкиваются с двусмысленными ситуациями и нередко имеют грубые и неадекватные представления и оценки о природе человека. Они вынуждены опираться на свою интуицию и открывать двери для выражения своих собственных подавляющих и доминирующих, угрожающих и интрузивных predispositions²⁶.

Результатом такого эмоционально насыщенного, самообманывающего мышления являются решения, которые выглядят и переживаются как рациональные, но которые в действительности являются лишь правдоподобными решениями²⁷.

В структуру характера человека с «мужским нарциссическим синдромом» входят такие черты, как гордость, сила, жестокость и строгость, крайняя чувствительность к угрозам и попыткам доминирования со стороны других. Это люди, которым свойственно «телесное самоутверждение». Имеются также нюансы мужского шовинистического патернализма. Такие люди стремятся обеспечить безопасность, защиту и т. п. Часть таких людей желает иметь высокие статусы, стать менеджерами и политическими лидерами, делать доброе дело для мира, быть благодетелями. На ролях лидеров США они хотят обеспечить лидерство своей страны в мире, ее активную мужскую роль, контроль над другими странами.

Таким лидером, согласно Л. Этерджи, был Дж. Кеннеди, который всю жизнь увлекался сказками о героях, восхищался людьми, которые воевали, достигая высот власти и славы. Он с юных лет решил во что бы то ни стало избираться президентом США и в жестокой борьбе победил. Этерджи считает, что Дж. Кеннеди принял свое ошибочное решение о вторжении на Кубу под влиянием своего нарциссизма. Этот политик был уверен, что кризисы можно разрешить крутыми силовыми методами.

Другой политический психолог, Джин Кнутсон, внесла некоторый вклад в понимание того, когда лидеры принимают жесткие силовые решения. Ее особенно интересовали **главные мотивы**, лежащие за силовыми политическими решениями. Какого типа политики склонны применять насилие в своих отношениях с противниками? Ее исследование не было завершено к моменту ее смерти, но из рукописей другие исследователи узнали, что она разрабатывала концепцию виктимизации: по ее мнению, за силовыми решениями политиков лежит **мотив виктимизации**.

Жертвой является тот, кто лично переживал несправедливость и считает, что она была излишней, она не была необходимой. Переживание несправедливого отношения вызывает у

²⁶ См.: Emerdjee L. *A World of Man: The Private Sources of American Foreign Policy*. Cambridge (MA): MIT Press, 1978. Pp. 59–60.

²⁷ Там же с. 60.

такого человека глубокий страх перед возможной аннигиляцией, т. е. исчезновением, смертью.

Согласно концепции Джин Кнутсон, отдельные виктимизирующие события или переживания, приводя к конверсии личности (ее глубокому психологическому изменению, вплоть до смены ее «я»), заставляют ее позаботиться о своей личной безопасности: такие люди стараются изменить «угрожающее лицо мира». Дж. Кнутсон приводит историю молодого ирландца Френсиса Хафеса из Северной Ирландии. Однажды, вернувшись домой с танцев, он и его друг были остановлены британскими солдатами, которые выволокли их из машины и страшно избили. Под влиянием этого травмирующего события юноша поклялся позаботиться о безопасности своей жизни и жизни своих друзей, создал боевой отряд и в течение нескольких лет вел партизанскую войну против англичан. Позднее, вместе с успешно действующим отрядом, он вошел в состав Ирландской Республиканской Армии, ведущей борьбу за независимость.

У многих, вследствие виктимизации, эмоциональная жизнь как бы умирает. Они становятся эмоционально «неподвижными», как окаменевшее от страха животное. Любое улучшение ситуации вызывает страх и сознательное отклонение от попыток новой виктимизации. Жертва полуосознанно понимает, что пассивность обеспечивает ее виктимизацию и только борьба, активная защита своего «я» и своей группы, адекватно служит уменьшению угрозы новой агрессии со стороны других²⁸.

Самоутверждающая активность обещает ослабление виктимизирующих воздействий. Личная активность человека сосредоточивается на устранении новой угрозы несправедливости, она подавляет страх и тревогу по поводу ожидания новых потерь. Как только виктимизированный человек совершает первые активные действия, он переживает сильнейший гнев, хотя и страх тоже не исчезает полностью. Эти эмоции, как мы уже знаем, лежат в основе новых агрессивных действий. Так создается психологическая основа продолжения борьбы.

Таким образом, как только человек совершает свои первые политические насильственные действия, ему уже трудно на этом остановиться. Новый страх и гнев вызывают новое насилие. И если к этим психологическим факторам присоединяется надежда на успех, тогда борьба может продолжаться с еще большим ожесточением. Потенциальное наказание за насилие представляется менее угрожающим, чем последствия пассивности – постоянная тревога и вероятность насильственной смерти.

Здесь мы видим также работу *механизма вовлечения* в определенную стратегию поведения после совершения первых действий. Из *теории когнитивного диссонанса* известно, что вовлечение имеет место вследствие возникновения в психике личности состояния этого своеобразного конфликта – когнитивного диссонанса – между представлением о себе и знанием о совершенных действиях. Желая оправдать свое поведение, человек находит аргументы в его пользу, вследствие чего усиливается убежденность в необходимости продолжения той же линии поведения, в рассмотренном выше случае – политического насилия для подавления самовосприятия как жертвы.

Разработанный Дж. Кнутсон подход к объяснению виктимизации и способов ее преодоления позволяет объяснить психологические механизмы национально-освободительных движений, партизанских движений и терроризма. Всякий гнет доминирующего этноса вызывает виктимизацию и мотив самоосвобождения и избавления, деятельности, которая, раз начавшись, с большим трудом затухает. Причем репрессивные меры не являются самыми эффективными.

²⁸ Изложено по книге: *Barner-Barry C. and R. Rosenwein. Psychological Perspectives on Politics. Englewood Cliffs (N.J.). Prentice-Hall, 1985, p. 226.*

§ 6. К психоистории агрессивности (агрессивность в истории человечества)

В будущей *психоистории* человечества, предпосылки которой создаются уже в наши дни, значительное место предстоит уделить истории его агрессивности, поскольку эта история – цепь кровавых войн и массовых убийств, самых различных и изощренных жестокостей. В целом – это история агрессивных действий. Без психоисторического исследования корней, мотивов и форм человеческой агрессивности и ее развития мы эту историю не поймем. С самого начала известной нам истории, с каменного века, мы видим многообразие стремления к взаимному истреблению людей. Человеческая агрессивность развивалась, порождая все новые формы своего выражения. На службу этой тенденции были немедленно поставлены первые же примитивные орудия, которые тем самым приобретали новую функцию – *функцию оружия* защиты или нападения.

В психоистории человеческой агрессивности следует показать, каким образом люди стали специализироваться в изготовлении оружия в «чистом виде», т. е. в деле создания инструментов, специально предназначенных для искалечения и убийства других людей: заостренных камней, топоров, ножей, лука и стрелы, дротиков и т. п. до винтовки, автоматов и пушек, до современных средств массового уничтожения людей. В этом деле человечество проявило много таланта и огромную изобретательность. Сколько интеллекта, воли и материальных средств было потрачено на изобретение орудий смерти, способов пыток и убийства людей!

Психоисторическое исследование агрессивности показало бы нам, каким образом фундаментальный иррационализм человеческой природы, исходящие из него мотивы, стремления и чувства реализуются с помощью его интеллектуальных способностей. Человек способен решать самые сложные задачи, но эта его способность чаще всего служит эгоистическим и агрессивным целям. Хотя существующий в настоящее время арсенал средств уничтожения вполне достаточен для многократного превращения Земного шара в абсолютную пустыню, тем не менее лидеры народов, их политические элиты, продолжают совершенствовать орудия смерти и накапливать их. В гонку вооружения включаются все новые страны, появляются все новые ядерные державы (в самое последнее время – Индия и Пакистан). Во всем мире продается огромное количество оружия, значительная часть которой применяется в региональных войнах. Рациональные аспекты психики человека, его интеллект, т. е. способность приобретать знания и использовать их для решения задач, служат его же иррациональным целям.

Здесь мы, конечно, не намерены брать на себя бремя решения грандиозной задачи и изложения психоистории человеческой агрессивности в полном объеме. Это задача будущих исследователей. Поэтому мы ограничимся еще несколькими замечаниями.

Будущий психоисторик человеческой агрессивности должен специально исследовать детоубийство в истории человечества. Автор этих строк считает убийство детей самым страшным преступлением человечества, отдельных групп людей и индивидов. Детоубийство свидетельствует о крайней жестокости человека, отсутствия в нем способности сопереживания. Детоубийство – крайнее выражение садизма. В истории человечества детоубийство было распространено весьма широко. Оно существует и в настоящее время. Но не всегда в прямой форме. Например, аборт беременных женщин мы считаем массовым видом современного детоубийства. А в древности детоубийство практиковалось уже в отношении рожденных детей. Так, в Спарте новорожденных девочек считали нежелательными и убивали, поскольку они не могли стать воинами.

Общеизвестна жестокость бедуинов. До принятия ислама среди бедуинских племен Аравийского полуострова был распространен обычай убийства новорожденных девочек: их живыми зарывали в землю. В целом рождение девочек, особенно в семьях бедных людей, считалось несчастьем, тогда как рождению сына бедуин радовался не меньше, чем появлению на свет жеребенка из породистой кобылицы²⁹. Такая жестокая практика не является чем-то уникальным для древних арабов, которые сегодня удивились бы, узнав о повадках своих предков. Рождение девочки до сих пор у многих народов, особенно на Востоке, считается не очень счастливым событием, но традиция убийства новорожденных девочек почти исчезла. Моральный прогресс все же есть, пусть и незначительный.

Современные общества также не отличаются добротой к детям. Вот что пишут американские психологи: «От трех до пяти тысяч детей в США умирают ежегодно в результате жестокого обращения с ними их родителей.»³⁰

Войны между народами и гражданские войны. Примерные подсчеты показали, что за всю историю человечества было примерно 14600 войн, т. е. примерно 3 войны за каждый год³¹. Это, конечно, сильно заниженная цифра, хотя и она впечатляет. Разумеется, речь идет о более или менее крупных войнах и походах: многочисленные мелкие стычки и походы невозможно было регистрировать. В этих войнах погибали многие миллионы людей, в том числе мирных женщин и детей, не имевших отношения к военным действиям. До сих пор широко распространено убийство пленных. Этим представителей другого (враждебного) народа или убивали, или превращали в рабов. Позже значительную часть этих рабов тоже убивали, поскольку их не считали полноценными людьми. Я считаю, что в психоистории человеческой агрессивности рабству и жестокости по отношению к рабам следует уделить особое место. Превращение свободных людей в рабов является одним из проявлений межэтнической агрессии весьма широко распространено в наши дни. Чечено-русские войны 90-х годов 20-го века воочию свидетельствуют в пользу нашего утверждения. История рабства и рабовладельчества – это одна из самых позорных страниц истории человечества и должна исследоваться досконально, поскольку ее знание поможет лучше понять природу человека, а также расовые и межэтнические отношения.

Геноцид (или этноцид?). Это специальная и обширная тема для исследования. Здесь мы приведем лишь данные о геноцидах в новейшей истории человечества, самых диких и масштабных. Но прежде всего одно терминологическое замечание: термин «геноцид» никак нельзя считать удачным. Ведь речь идет об уничтожении этносов (племен, наций). Поэтому мы предлагаем использовать более адекватный термин «этноцид».

Этноцид армян в Османской империи, а затем и в Турецкой республике, фактически начался со второй половины 19-го века и продолжался по 1923 год. Мы уже не говорим о более ранних попытках уничтожить армянский этнос. За это время погибло более двух миллионов армян. Остальная часть, лишенная своей родины, была изгнана и до сих пор скитается по разным странам. Изгнание народа из своей родины, согласно решениям ООН, тоже является актом геноцида.

Этноцид (холокост) еврейского народа, организованный руководством фашистской Германии с начала 30-х годов 20-го века и осуществленный до конца Второй мировой войны, унес жизни более шести миллионов людей.

В Кампучии этноцид унес жизни почти половины населения этой небольшой азиатской страны. Особенностью кампучийского этноцида является то, что его организовали, исходя из идеологических соображений, сами представители этого народа, вдохновленные

²⁹ См.: *Беляев Е. А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М., "Наука", 1966, с. 73.*

³⁰ *Бэррон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб, "Питер", 1999, с. 22.*

³¹ См.: *Montague A. The nature of human aggression. New York: Oxford Univ. Press, 1976.*

марксистскими идеями. Акты геноцида имели место в ряде стран Азии и Африки (например, в Руанде), в Азербайджане и ряде других стран.

Убийства. Речь идет не об убийствах во время военных действий и геноцида, а в ходе совершения насильственных повседневных преступлений, в результате бытовых конфликтов, на улицах городов и т. п. Считается, что значительно больше людей в мировой истории погибло не на полях сражений, а в результате повседневных преступлений. Так, с начала 90-х годов двадцатого века в США более 900000 человек было убито в результате преступных действий других людей. Вообще же различные проявления агрессивности в межличностных отношениях широко распространены как в этой стране, так и во многих других, хотя и в не такой степени.

Ситуацию нельзя считать благополучной и в России. Особенно широко распространено насилие в семьях. Вот что писала «Независимая газета» несколько лет назад: «...Если еще недавно образ домашнего тирана ассоциировался с видом опустившегося пьяницы или рецидивиста, терроризирующего домочадцев, то сегодня, по свидетельству специалистов, случаи жестокого обращения с детьми, пожилыми людьми и женщинами уже не редкость во вполне благополучных семьях, а среди женщин, обращающихся за помощью в кризисные центры, все больше родственников «новых русских».

Несмотря на то что официальной государственной статистики по данной проблеме нет, сведения, обнародованные на одном «круглом столе», впечатляют: за минувший год почти вдвое выросло число преступлений бытового характера, в семьях совершается почти 40 % всех убийств, ежегодно две тысячи детей совершают самоубийство, 50 тысяч детей убегают из дома. Более 14 тысяч женщин погибают от рук мужей или других близких. Как сообщил заместитель начальника Главного управления обеспечения общественного порядка Анатолий Сухов, в настоящее время на профилактическом учете в России состоят около 4 млн. потенциальных семейных насильников, что, по мнению МВД, представляет серьезную угрозу обществу»³².

³² «Независимая газета», 28 октября 1997 г. (Заметка Надежды Ажгихиной).

§ 7. Принцип сопряжения в психологии агрессии

А. Закон сопряжения

Принцип или закон сопряженного развития психических качеств P_1 и P_2 , выдвинутый автором этих строк, означает следующее: 1) P_1 не может существовать без P_2 , и наоборот; 2) при прогрессивном развитии P_1 прогрессирует также P_2 , и наоборот. Это означает, что действует **закон позитивного сопряжения** двух психических качеств одной личности или двух личностей; 3) когда при прогрессивном развитии P_1 имеет место регрессия (ослабление, дегенерация) P_2 , то можно говорить уже о действии **закона негативного сопряжения**. Итак, закон сопряжения действует в двух формах – позитивном и негативном.

Важно учесть, что закон сопряжения действует как внутри личности, так и в межличностных и межэтнических, в межгрупповых отношениях. Во всех этих сферах психологам предстоит обнаружить соответствующие факты и проводить новые исследования. Отметим, что мы уже применили данный предложенный нами закон при исследовании целого ряда этнопсихологических феноменов³³.

Мы считаем, что все взаимоотношения типа агрессор – жертва, лидер – ведомый (последователь), господствующий этнос – подчиненный этнос, все они – динамические системы, члены которых изменяются согласно описанному выше закону сопряжения. Нет господина без раба, нет жертвы без агрессора и т. п.

Б. Закон сопряжения в психологии агрессии

В области психологии человеческой агрессии и агрессивности сформулированный выше закон сопряжения применим, по крайней мере, при исследовании соотношения между агрессивностью и эмпатией в структуре психики одного индивида. Мы утверждаем следующее: 1) агрессивность и эмпатическая способность в психике личности сопряжены; 2) в их двуединой динамике действует закон отрицательного сопряжения, согласно которому чем сильнее у личности выражена агрессивность, тем слабее развита эмпатия. При усилении эмпатии агрессивность идет на спад и наоборот.

Это, конечно, эмпирический закон. Но такая четкая концептуализация эмпирических фактов дает исследователю ряд преимуществ: а) позволяет осознать связь двух психических явлений различных социально-психологических уровней; б) открывает путь для экспериментального исследования упомянутых явлений, поскольку позволяет операционализировать предлагаемые гипотезы.

Что касается применения закона сопряжения в психологии агрессии, то, с нашей точки зрения, особый интерес представляют те случаи, когда у личности как агрессивность, так и эмпатия развиваются примерно в одинаковой степени. В принципе нет личности, совершенно лишенной агрессивности. Поэтому при эмпирических исследованиях на основе закона сопряжения названные два личностных качества должны исследоваться вместе.

Как увидит читатель после ознакомления с некоторыми разделами настоящей книги, принцип сопряжения может иметь плодотворные применения при анализе различных явле-

³³ См.: *Налчаджян А. А. Этнопсихологическая самозащита и агрессия. Ереван, «Огебан», 2000; его же: Этническая характерология. Ереван, «Огебан». 2001.*

ний психической жизни человека и, в частности, агрессивности, насыщенного агрессивностью взаимодействия людей.

§ 8. Методы исследования агрессии

Хотя агрессия и агрессивность интересовали мыслящих людей еще на заре человеческой истории, лишь недавно они стали предметом научных исследований. Психологические исследования агрессии – дело лишь последних нескольких десятилетий. Несмотря на молодость психологии человеческой агрессивности, она уже имеет заметные успехи. По-существу, психология стала главной наукой, занятой исследованием агрессии. Отсюда – важность разработки и совершенствования методов психологического исследования агрессии. Ниже мы рассмотрим основные из этих методов: метод наблюдения, различные виды экспериментов, проективные методы и т. п. Из них особый интерес представляют методы измерения физической агрессии Арнольда Басса и Леонарда Берковица, опросник Кэттела, целый ряд проективных методов, в первую очередь тест Розенцвейга, тест тематической апперцепции (ТАТ), метод многофакторного исследования личности (ММПИ) и другие. Знакомство с ними очень полезно не только специалистам, но и неспециалистам-любителям, поскольку позволит им видеть, какими способами психологи получают новые факты о психической жизни людей. Специалисты же, желающие исследовать агрессию, должны обращаться к таким руководствам, в которых методы исследования описаны более подробно.

А. Метод наблюдения

Традиционно метод психологического наблюдения подразделяется на два вида: самонаблюдение и объективное наблюдение. Самонаблюдение может дать нам ценные сведения особенно о субъективной стороне человеческой агрессивности, о тех эмоциях, мыслях и мотивах, которые побуждают человека совершить агрессивные действия. Существует, конечно, не только внутреннее самонаблюдение (интроспекция), но и внешнее, объективное самонаблюдение: человек может стать для себя таким же объектом наблюдения, как и другие люди. Само-слежение (мониторинг собственного поведения) – обычный, хотя и не совсем еще изученный психический процесс, с помощью которого человек приобретает значительный объем знаний о собственном поведении, в том числе агрессивном.

Трудности самонаблюдения и возникающие при его применении искажения уже давно обсуждаются в психологии и общеизвестны. На эту проблему из российских психологов особое внимание обратил С. Л. Рубинштейн. Все же есть важные аспекты поведения человека, в том числе агрессивного, о которых мы сможем получить информацию только от него самого, а то, что он сообщает, отвечая на наши вопросы, является результатом его самонаблюдения. Как мы увидим ниже, составляя анкеты и опросники для исследования агрессии, мы включаем в них вопросы следующего типа: «Легко ли вы оказываетесь в злом настроении?» или: «Когда ваш ребенок плохо ведет себя, как вы его наказываете?» и т. п. Ясно, что на такие вопросы надежнее всего ответит сам опрашиваемый. Но содержание его ответов – результат его самонаблюдения, интроспективного или объективного.

Объективное наблюдение в естественных условиях («полевое наблюдение») состоит в том, что человек в семье, на улице, в различных учреждениях и учебных заведениях, в армии, на игровых площадках и в других ситуациях следит за поведением людей и, как только замечает, что они ведут себя агрессивно, подробно описывают их поведение и выражения эмоционального состояния. При этом полезно использовать технические средства регистрации агрессивных событий. Каждый опытный наблюдатель знает, что в некоторых местах агрессивное поведение и конфликты вспыхивают чаще, чем в других, и со своей аппаратурой отправляется туда. Это определенные криминогенные зоны большого города, рестораны,

кафе, дискотеки, рынки и т. д. Как очевидно для читателя, речь идет о местах скопления людей.

Наблюдение в естественных условиях чаще всего применяется для исследования агрессивного поведения детей и животных. Исследователь совсем не вмешивается в ход событий и только следит за ними.

В этих «натуралистических» исследованиях одним из самых трудных является вопрос о том, является ли наблюдаемое поведение действительно агрессивным. В этом вопросе между исследователями нередко возникают разногласия³⁴. Другая же трудность обусловлена тем, что люди публично стараются не вести себя агрессивно, поэтому наблюдателя порой долго приходится ждать интересующих его форм поведения. Люди ведут себя агрессивно в более изолированных и интимных ситуациях, недоступных исследовательскому глазу. Отсюда – важность самонаблюдения как психологов, так и испытуемых.

Другой способ получения информации об агрессии путем наблюдения – нахождение социально приемлемых способов выражения агрессивности, таких, которые люди используют не стесняясь, порой даже не осознавая, что ведут себя агрессивно. Так, психологи успешно исследуют автомобильные сигналы, с помощью которых водители требуют друг от друга открыть перед ними дорогу, дать обогнать их. Но это уже скорее из сферы естественного эксперимента, о котором речь пойдет ниже.

Преимущество метода наблюдения состоит в том, что исследователь не вмешивается в естественный ход событий и они протекают без искажений. Когда люди не знают, что являются объектами исследования, ведут себя раскованно, в значительной мере в соответствии со своей внутренней сущностью. Несмотря на все условности и ожидания, предъявляемые социальной средой, люди очень часто выражают свою агрессивность, так что наблюдать такое поведение и накапливать факты – дело хоть и трудное, но возможное.

Однако главный недостаток наблюдения состоит в том, что реальное агрессивное поведение человека является результатом многих факторов, и каждый раз, регистрируя такое поведение, нам трудно определить его подлинные причины. «Переменные», вызывающие агрессивные действия человека, не находятся под контролем исследователя. Как мы увидим ниже, эта принципиальная трудность в определенной степени преодолевается с помощью эксперимента, хотя сфера применения этого метода все еще достаточно узкая. Во многих случаях просто нельзя применить экспериментальный метод. Например, если мы хотим исследовать психологическое и физическое насилие в семье и других социальных средах, то лучше использовать неэкспериментальные методы: никакая семья не разрешит психологу искусственно вызывать в ней, например, агрессию отца к своему сыну для исследовательских целей. Но члены семьи о таких случаях могут сообщить психологу или психотерапевту для получения от них помощи. Такие сведения можно использовать с целью решения как практических, так и исследовательских задач.

Метод наблюдения встречается с одной трудностью. Когда мы желаем исследовать одну определенную форму агрессии, мы вынуждены ждать, пока она появится вновь и вновь. Одно наблюдение всегда недостаточно для определенных выводов. Эпизодичность наблюдений не обеспечивает надежности эмпирического описания и не дает уверенности в наших выводах.

Б. Естественный эксперимент

Метод естественного эксперимента фактически является усовершенствованным вариантом наблюдения в естественных условиях жизни. Наблюдение превращается в естествен-

³⁴ См.: Бэрон Р., Ричардсон Д., указ. Соч., с. 67–68.

ный эксперимент тогда, когда психолог вносит некоторые изменения в ситуацию с тем, чтобы получить желательный для себя эффект. Но эти изменения должны быть такими, какие встречаются в реальной жизни и не вызывают подозрения у людей, поведение которых исследуется, что они являются объектами наблюдения.

С целью исследования агрессии в естественных условиях, в последние десятилетия успешно применяется следующий метод: помощник психолога, ведущий свою машину, после загорания зеленого света светофора нарочно задерживается на 10, 15 или более секунд, создавая неожиданную помеху для тех, кто идет сзади. Это фрустрирует их и они начинают давать сигналы, жестиковать, словесно комментировать поведение того водителя, кто препятствует их движению вперед. Езда на машине – целенаправленная деятельность, блокада которой вызывает фрустрацию и агрессивные реакции. Психологи, наблюдающие со стороны, регистрируют как сигналы, так и остальные формы поведения фрустрированных водителей. Автор же, часто пользующийся автотранспортом, уже долгое время наблюдает это явление повседневной жизни, регистрируя самые интересные случаи. Накопленные сведения доказывают достаточно высокий уровень водителей микроавтобусов, такси и личных автомобилей в г. Ереване. Особенно бросается в глаза агрессивность водителей микроавтобусов, которые соперничают друг с другом в «захвате» пассажиров. Хотя в Ереване сигнализация запрещена, эти водители поднимают вой, создавая напряженную, стрессовую ситуацию.

В ходе подобных естественных экспериментов учитывались различные дополнительные факторы, влияющие на фрустрированного: статус фрустратора, наличие других стимуляторов агрессии, обозримость жертвы, температуру воздуха и т. п.³⁵ Агрессивными считаются как оскорбительные слова и жесты водителей, так и подаваемые ими сигналы. Все эти действия нацелены на то, чтобы нанести вред фрустратору. Дополнительные исследования, проведенные, например, Р. Бэрном, доказали, что это именно так.

Целый ряд вариантов естественного эксперимента использовал М. Харрис. Он исследовал способ подстрекательства, который в этическом отношении не всегда безопасный, но всегда результативный. Вот один из них: люди стоят в очереди за театральными билетами или за продуктами. Помощник психолога влезает вперед, но в различных местах очереди (перед вторым, перед четырнадцатым и т. п.), вызывая их недовольство. Психологи регистрируют их словесные и невербальные реакции, которые зачастую являются несомненно агрессивными, вплоть до толчков и выпихивания, не говоря уже о враждебных взглядах и жестах³⁶.

Возможности проведения подобных естественных экспериментов очень широкие, хотя трудность их проведения состоит в том, что участники экспериментов не являются добровольцами.

В. Экспериментальный метод

Для получения более достоверной информации о человеческой агрессии ныне широко используется эксперимент. Существует ряд вариантов экспериментальной процедуры, но общая схема такова: а) определяется предмет исследования, например интенсивность или частота агрессивных действий в ответ на воздействие фрустраторов или каких-либо других неприятных факторов; б) таким образом определяется проблема, которую предстоит решить; в) выдвигается гипотеза о возможном способе решения проблемы; г) выбираются

³⁵ См.: Бэрн Р., Ричардсон Д., указ. Соч., с. 69.

³⁶ См.: Harris M.B. Mediators between frustration and aggression in a field experiment. "Journal of Experimental Social Psychology". 1974, 10, Pp. 561–571.

так называемые независимые переменные ($X_1, X_2, X_3, \dots, X_n$), т. е. те воздействия, которые произвольно меняются экспериментаторами и не находятся под контролем испытуемого; д) регистрируются так называемые зависимые переменные ($Y_1, Y_2, Y_3, \dots, Y_m$), т. е. агрессивные действия человека в ответ на воздействие независимых переменных; е) осуществляется психологическая интерпретация агрессивного поведения испытуемого, чтобы понять его мотивы и особенности, его связи с другими формами поведения человека. Под словом «понимание» обычно имеют в виду раскрытие причинно-следственных отношений в поведении человека: какие факторы (независимые переменные) вызывают агрессивное поведение и почему?; каким образом меняются параметры агрессивного поведения в зависимости от изменения независимых переменных, что является причиной и что – следствием в этих взаимозависимостях? и т. п. Если поведение в указанном смысле доступно пониманию, то психолог получает возможность контролировать и регулировать такое поведение. Эксперимент фактически организуется для получения более или менее точных значений функции:

$$Y_m (F (X_n)).$$

Более точное представление об эксперименте читатель получит чуть позже, при рассмотрении методов А. Басса и Л. Берковица, изобретенных для измерения физической агрессии человека. Можно сказать, что психологам удалось создать ряд эффективных и практически безвредных методов исследования агрессивного поведения человека, причем благодаря таким лабораторным экспериментам им удалось решить также многие этические вопросы, обеспечив сознательное, информированное и добровольное участие испытуемых в психологических исследованиях главным образом физической агрессии.

Г. Методы исследования физической агрессии

1) Метод Арнольда Басса

Метод, предложенный в 1961 году А. Бассом³⁷, состоит в следующем: когда испытуемый в назначенное время приходит в лабораторию, ему говорят, что предстоит участвовать в эксперименте по изучению влияния наказания на обучение. Для этого необходимо, чтобы он и другой испытуемый играли соответственно роли учителя и ученика. Учитель предъявляет ученику различные учебные материалы, например задачу создания словесных ассоциаций, а тот должен усвоить их. Каждый раз, когда ученик дает правильный ответ, учитель должен поощрять его, говоря, что его решение правильно. Поощрение могут сигнализировать также включением лампы. Когда ученик допускает ошибку, учитель должен наказать его с помощью электрических ударов. Хитрость этого эксперимента состоит в том, что ученик является тайным сообщником психолога и выполняет его инструкции о том, как себя вести в ходе исследования.

Как поощрения, так и наказания, передаются посредством аппарата, который известен теперь под именем «машины агрессии». Аппарат этот имеет 10 выключателей и при каждой ошибке ученика учитель может выбрать один из них и передать электрический удар ученику. Первый выключатель передает очень слабый ток, второй – чуть более сильный и т. д., а десятый – очень сильный. Чтобы испытуемый убедился, что аппарат исправен, нажатием различных кнопок ему передают электрические удары. В ходе же эксперимента он никаких электрических ударов не получает.

³⁷ *Buss A. The psychology of aggression. New York: John Wiley and Sons. 1961. Описание этого метода в настоящее время можно найти в целом ряде социально-психологических монографиях и пособиях. См., например: Baron R. and Byrn D., Social Psychology. 2nd ed., 1977, Pp. 412–413.*

Настоящему («наивному», «простодушному») испытуемому всегда поручают выполнить роль учителя, а сообщнику психолога – роль ученика. Ученик допускает заранее оговоренные психологом ошибки, создавая возможность для испытуемого нажимать на кнопки. Силу тенденции «учителя» подвергать агрессии ученика измеряют по интенсивности и длительности электрических воздействий, которые он использует для наказания. Разумеется, «ученик» ни одного электрического удара не получает, но «наивный» испытуемый об этом не знает.

То обстоятельство, что этим методом действительно измеряется готовность испытуемого нанести вред другой личности, доказывается следующим экспериментом, который провели психологи Б. Вольф и Р. Бэрон³⁸: они предположили, что индивиды, которые в прошлом совершали насильственные действия, будут обладать тенденцией нажимать на кнопки с более высокими номерами, чем люди без такого прошлого. Для этого они провели сравнение работы на «аппарате агрессии» группы студентов колледжа и группы заключенных того же возраста, осужденных за такие преступления, как убийство, нападение с оружием в руках, теловредительство. Как и оказалось, заключенные нажимали на кнопки с более высокими номерами: они строже наказывали своих учеников, чем члены группы студентов. Другие исследователи тоже получали сходные результаты. Создано много вариантов этого метода.

2) Метод Л. Берковица

Леонард Берковиц предложил еще один способ измерения агрессии. Как только испытуемый приходит в лабораторию, ему сообщают, что вместе с другими испытуемыми (которые на самом деле являются сообщниками психолога) он должен участвовать в исследовании воздействия стресса на способность решения задач.

Экспериментатор предлагает проблему, а они пытаются решить и в письменном виде возвращают ему. Но результат работы каждого оценивает не психолог, а партнер. Причем испытуемый выражает свое отношение с помощью электрических ударов, число которых меняется от 1 до 10. Чем более положительны оценки, тем меньше число ударов, которым подвергается испытуемый. Истинный испытуемый получает predetermined число ударов, после чего он и сообщник экспериментатора обмениваются ролями. Число, а иногда и длительность электрических ударов, являются мерой агрессии³⁹.

Есть и другие вариации метода А. Басса и Л. Берковица, например та, которая была использована Стэнли Милграмом для исследования подчинения авторитету. Это метод **деструктивного подчинения**. Различие в том, что во время экспериментов С. Милграма испытуемые получают приказ или совет о нанесении жертвам электрических ударов, в то время как в экспериментах А. Басса и Л. Берковица они свободны в выборе силы тока. Поэтому с помощью экспериментов Басса и Берковица измеряют силу добровольной агрессии, а в экспериментах С. Милгрэма – подчинение приказам авторитета, человека, обладающего хотя бы минимальной властью над испытуемым⁴⁰.

Л. Берковиц показал, что тенденция нанесения электрических ударов в экспериментальных условиях позитивно коррелирует с тенденцией человека в реальной жизни включиться в агрессивные действия. Все же значительная часть исследователей считает описанные методы измерения физической агрессивности весьма искусственными.

³⁸ Wolfe B.M. and Baron R.A. Laboratory aggression related to aggression in naturalistic social situations: Effects of an aggressive model on the behavior of college students and prisoner observers. "Psychonomic Science", 1971, 24, Pp.193–194; См. Также: Бэрон Р. Ричардсон Д. Агрессия. СПб. "Питер", 1997, с. 79–83.

³⁹ Berkowitz L. In: Advances in experimental social psychology. Vol/1. New York: Academic Press, 1964, Pp. 111–147.

⁴⁰ Milgram S. Obedience to Authority. New York. Harper and Row, 1974 39 См.: Krebs D.L. Miller D.T. Altruism and Aggression. In Lindzey G. and Aronson E. (Eds.). The Handbook of Social Psychology. 3rd Ed., Vol.2, New York.1985, p.5.

Применяя эти методы, надо иметь в виду еще и следующую проблему: в лабораторном эксперименте от испытуемого требуют быть агрессивным, его агрессивные действия здесь необходимы, иначе он не может быть участником эксперимента. Он волен лишь определить силу и длительность своих агрессивных действий в виде электрических ударов. А в реальных ситуациях жизни важными для человека являются вопросы: следует ли вообще действовать агрессивно?⁴¹ Разница, как нетрудно догадаться, очень существенная.

Д. Методика С. Тейлора

Еще один, но более реалистический метод лабораторного исследования агрессии предложил С. Тейлор. Этот исследователь исходил из того реалистического представления, что жертвы агрессии не всегда бывают совершенно беспомощными перед агрессорами и в определенной мере отвечают на агрессию агрессивными же действиями. Иначе говоря, в реальной жизни обычно происходит то, что мы называем *агрессивным взаимодействием* людей.

Процедура экспериментального исследования, предложенная С. Тейлором, такова: испытуемому и еще одному участнику (обычно это ассистент, то есть тайный сообщник психолога) поручают соревноваться в решении задачи на время реакции. Очевидно, преимуществом считается более короткое время реакции. При каждой попытке тот, у кого время реакции окажется длиннее, в наказание получает электрический удар, назначаемый противником.

Перед началом опыта определяется *порог терпения* каждого участника. Определение этого порога имеет сходства с определением порога чувствительности органов чувств.

Порог терпения (толерантности) к фрустраторам и другим неприятным («аверсивным») раздражителям, например, электрическим ударам, определяется следующим образом: человека постепенно подвергают все более и более сильным воздействиям и спрашивают о его ощущениях. При том значении раздражителя, которое оценивается им как «невыносимое», опыт прекращают, считая его порогом толерантности данного человека к такого рода раздражителям. Во время эксперимента более интенсивным воздействиям его не подвергают.

В ходе эксперимента испытуемый устанавливает силу электрического удара и его длительность для противника, нажимает на «кнопку времени реакции» и т. п. Когда он проигрывает, сам получает электрический удар. Эти удары калибруются в соответствии с его порогом толерантности. Кнопка номер 10 соответствует этому порогу, кнопка номер 9 подает удар с силой, равной 95 % от порогового значения, кнопка номер 8 – удар силы 90 % и т. д.⁴²

Поскольку в начале эксперимента испытуемый еще не получил удар, то есть не был спровоцирован противником, выбираемая им сила удара свидетельствует (как и в экспериментах Л. Берковица) о его *непровоцированной агрессии*. Но после того, как противник отвечает на его действия, назначаемые им электрические удары считаются выражением его мести. Это уже *мстительная агрессия*. (Хотя мы думаем, что она, скорее, комплексная агрессия, состоящая из немотивированного и мстительного компонентов).

Нетрудно видеть, что в этих отношениях жертва наносит агрессору немедленные ответные удары возмездия. Причем условия эксперимента можно варьировать. Поскольку жертва является сообщником психолога, ей можно предложить действовать различными стратегиями. В одном случае она отвечает на агрессию испытуемого все более и более сильными ударами, т. е. еще больше и больше провоцирует его; другая же стратегия состоит

⁴¹ См.: *Krebs D.L., Miller D.T. Altruism and Aggression. In Lindzey G. and Aronson E. (Eds.). The Handbook of Social Psychology. 3rd Ed., Vol. 2, New York, 1985, p. 5.*

⁴² См.: *Бэрон Р., Ричардсон Д.*, указ. Соч., с. 85.

в том, что сообщник экспериментатора предлагает испытуемому примирение и назначает только слабые электрические удары. Еще одной вариацией этого эксперимента является то, что в одном случае соперники соревнуются в присутствии публики, в другом – без свидетелей. В присутствии публики испытуемые обычно выбирают более слабые электрические удары, чем в ее отсутствие, если публика не одобряет агрессию.

Описанный метод позволяет получить интересные результаты, причем С. Тейлор заметил, что испытуемые, нанося электрические удары сопернику (т. е. применив физическую агрессию), зачастую сопровождают их словесной агрессией («Ах ты, подлец!» и т. п.).

Это очень плодотворный и валидный метод измерения агрессии, хотя включение в «игру» вербальной агрессии усложняет дело: ведь для вербальной агрессии трудно установить порог толерантности⁴³.

Несмотря на некоторую искусственность и другие методические и этические трудности, лабораторные методы измерения физической агрессии дают психологам ценные результаты. Они в значительной степени способствовали развитию психологии человеческой агрессивности.

Е. Другие разновидности экспериментов

Существует еще несколько методов исследования агрессии, о которых здесь уместно говорить лишь очень кратко.

Игровые методы чаще всего используются для исследования тех механизмов, с помощью которых дети и подростки приобретают способы и навыки агрессивного поведения. Эксперимент организуется следующим образом: взрослый бьет и колотит какую-либо игрушку (например, куклу Бобо, надувную фигуру клоуна, как в экспериментах А. Бандуры). Одна группа детей видит поведение взрослого, а другая – нет. Затем обоим группам разрешают играть с этой игрушкой. Оказывается, что дети, которые наблюдали за агрессивным поведением взрослого («социальной модели»), повторяют его действия, т. е. имитируют его поведение. Члены контрольной группы ведут себя мирно⁴⁴.

Лабораторные методы исследования вербальной агрессии. Для исследования вербальной агрессии испытуемого фрустрируют и разрешают свободно или с определенными ограничениями выразить свою вербальную агрессию по отношению к фрустратору. После этого эксперты определяют количество собственно агрессивных высказываний. При этом иногда используют опросник, ответы на вопросы которого и подвергаются контент-анализу с целью выделения истинно агрессивных высказываний. Причем одни слова, словосочетания и суждения получают более высокие баллы по агрессивности, другие – менее высокие и т. п. Так, если фрустрированная личность А говорит о своем фрустраторе Б, что он идиот, ненормальный, псих, ничтожество, лишний человек и что его надо расстрелять и т. п., то ясно, что он выражает сильную агрессию.

Важной разновидностью метода измерения вербальной агрессии является опросник. В экспериментальных условиях испытуемого сначала фрустрируют, то есть подстрекают к агрессии, после чего просят заполнить опросник. В ходе такой работы они оценивают подстрекателя (фрустратора). Это безопасные и эффективные методы измерения словесной агрессии, поскольку подстрекатель и фрустрированный им человек не встречаются лицом к

⁴³ Невольно вспоминаются сотни и тысячи предупреждений руководства Китайской народной республики американцам за нарушения воздушного пространства страны во второй половине 50-х годов 20-го века. Каждый раз, предупреждая противника (например, 1200-й раз!), китайцы говорили: “Если это можно терпеть, то чего больше нельзя терпеть!”. Порог терпимости – очень гибкое явление!

⁴⁴ См.: Бэрон Р., Ричардсон Д., указ. соч., с. 72–74.

лицу в «момент» выражения последним своей агрессии. Такие исследования проводили Л. Берковиц и другие психологи.

Мы полагаем, что существуют различия между двумя случаями использования вербальной агрессии: а) когда агрессор имеет возможность нанесения прямого вреда своему фрустратору в виде оскорбления или даже перехода к применению физического насилия; б) когда такой возможности у него нет и агрессия остается в вербальной форме. О некоторых особенностях перехода от вербальной агрессии к физической мы свою точку зрения высказываем в третьей главе настоящего труда.

Ж. Проективные методы

Проективные методы изобретены психологами с целью раскрытия и исследования многих черт личности, в том числе агрессивности⁴⁵. Все они созданы исходя из представления о существовании психологического механизма *проекции*, который заключается в следующем: человек имеет склонность (большей частью безотчетную, подсознательную) вынести определенные свои психические качества, установки, мотивы и другие внутриспихические содержания вовне и видеть их в других людях или в нейтральных объектах⁴⁶. Чаще всего это не простое зеркальное отражение психики во внешних объектах, а символическое их представление, их приписывание другим. Если говорить точнее, речь идет о приписывании своих черт и мотивов внешним объектам, явление, называемое нами *проективной атрибуцией*.

Есть несколько проективных методов, с помощью которых можно получить представление об агрессивности человека. Это косвенные методы получения информации об агрессивности испытуемых, так как они не знают, что исследуется их агрессивность.

Тест Роршаха (чернильных пятен). Это серия картинок с чернильными пятнами. Психолог показывает их испытуемому и просит сказать, какие фигуры на них он видит, что напоминают ему эти кляксы. Ответы категоризируются и анализируются.

Тест тематической апперцепции (ТАТ): это серия картинок, рассматривая которые испытуемые пишут маленькие рассказы о том, что изображено на них, что предшествовало изображенной ситуации, что последует за ней и т. п. Поскольку изображения эти допускают самые различные толкования, справедливо считается, что в интерпретациях в значительной мере отражаются черты и склонности личности испытуемого.

Есть целый ряд других вариантов проективных методов, которые описываются в литературе, поэтому мы не считаем нужным подробнее говорить о них. Здесь отметим только, что самое трудное в применении проективных методов исследования личности и ее агрессивности – интерпретация полученных данных. Осуществляя эту работу, психологи непроизвольно вносят субъективные искажения, поскольку каждый из них является личностью со своими установками, предубеждениями, уникальным жизненным опытом и т. п. Все же, с помощью проективных методов можно получить ценную информацию в первую очередь о внутренних предпосылках агрессивного поведения человека.

⁴⁵ См.: Бэрон Р., Ричардсон Д., указ. соч., с. 74–77; Берковиц Л. Агрессия. Причины, последствия и контроль. СПб, Москва, 2001.

⁴⁶ См.: Проективная психология. Пер. с англ., М., 2000.

Глава 2. Фрустрация, агрессия и психическая защита

§ 1. Что такое фрустрация?

Фрустрация⁴⁷ (от лат. frustratio – потеря иллюзий, разочарование. Корень слова “фрустрация” – латинский) имеет место тогда, когда на пути целенаправленной деятельности человека возникает барьер и новая ситуация представляется ему непреодолимой и безысходной. Этот барьер называется также *фрустратором*, то есть таким фактором, который приводит к фрустрации человека.

Фрустрация тесно связана со стрессом – состоянием психофизиологического напряжения организма. *Психологический стресс* имеет место тогда, когда на человека влияют такие факторы – их называют *стрессорами* – которые приводят его в состояние психической напряженности. Есть очень много факторов среды, которые для человека одновременно являются как фрустраторами, так и стрессорами. Такие факторы мы впредь будем называть *стресс-фрустраторами*. Ниже, в отдельном параграфе, мы представим свою (как мы надеемся, в значительной степени новую) концепцию стресс-фрустраторов. Здесь же сделаем еще несколько замечаний по поводу таких комплексных факторов. Любая неудача в достижении поставленной цели по-существу является стресс-фрустратором. Оскорбление может глубоко фрустрировать человека, одновременно вызывая в его организме и психике сверхнапряженное психофизиологическое состояние.

Другой часто встречающийся стресс – фрустратор – это нехватка времени, цейтнот, который многократно возникает в жизни индивидов и социальных групп даже в течение одного дня. Так например, говорят, что шахматист находится в цейтноте: у него очень мало времени, предстоит сделать еще 10 ходов, а это практически невозможно без грубых ошибок. Такое положение может показаться шахматисту безысходным. Другой спортивный случай – цейтнот футбольной команды, которая терпит поражение, проигрывает противнику, спешит наверстать упущенное и отыграться, но для этого у нее времени очень мало: за оставшиеся 5 минут ей надо забить три мяча, не пропустив в свои ворота ни одного. Если противник силен, это практически невозможно. И команда оказывается в сложном стрессовом и фрустрированном состоянии, ее игра может стать стереотипной и даже неорганизованной.

Внимательный наблюдатель без труда заметит, что в ситуациях интенсивной фрустрации и стресса, тем более когда эти два состояния комбинируются, поведение людей меняется, причем иногда – весьма резко. Появляются спешка, тревожность, нервозность, увеличивается количество ошибок, как говорят в спорте – «технического брака». Снижается даже уровень игры настоящих мастеров и классных команд.

Агрессия является только одной из разновидностей возможных ответов человека на воздействие фрустраторов и стрессоров. Но прежде чем перейти к подробному рассмотрению этого вопроса, нам следует ознакомиться с классической теорией фрустрации-агрессии. Иногда ее называют лишь гипотезой, что, по нашему мнению, точнее отражает статус этой концепции в современной психологии.

⁴⁷ Теорию фрустрации, агрессии и защитных механизмов мы подробно рассмотрели в другой монографии: *Налчаджян А. А. Социально-психическая адаптация личности. Ереван, 1988.*

§ 2. Гипотеза фрустрации-агрессии

Гипотеза или «теория» фрустрации-агрессии была предложена в 1939 году группой психологов в книге под названием «Фрустрация и агрессия»⁴⁸. В ней они предложили «теорию», суть которой сводится к следующим утверждениям: 1) фрустрация всегда приводит к агрессии, 2) если человек или животное совершают агрессивные действия, то это значит, что они фрустрированы. Иначе говоря, агрессия всегда является следствием фрустрации.

Это был крупный шаг на пути создания теории очень широкого класса явлений, хотя родоначальником теории фрустрации следует считать Зигмунда Фрейда. Однако теория фрустрации-агрессии страдает односторонностью, поскольку, как показали последующие исследования, существуют *неагрессивные реакции на фрустрацию*, причем в немалом количестве⁴⁹. Оказалось также, что не всякое агрессивное поведение человека свидетельствует о его фрустрированности: люди совершают агрессивные действия подражая другим, подчиняясь приказам вышестоящего, авторитетных людей.

Кроме того, фрустрация рождает у человека тенденцию к совершению агрессивных действий, которая, однако, не всегда реализуется в виде конкретных поступков, поскольку эта внутренняя мотивация нередко бывает слабой. Но когда фрустрации повторяются, агрессия проявляет свойство накапливаться и усиливаться. Очень важно, в какой степени индивид считает ситуацию фрустрирующей, неприятной и вредной, возможно – враждебной. *Субъективное истолкование ситуации*, ее значимость нередко даже важнее, чем реальное содержание. то есть объективная сила и форма фрустратора или стрессора.

В современной психологической литературе о фрустрации четко формулируются следующие основные утверждения о зависимости агрессии от фрустратора: а) агрессия является только одним из основных ответов на фрустрацию; б) сила агрессивного ответа зависит от ряда факторов: от силы мотива, который блокируется фрустратором; от силы фрустратора, блокирующего целенаправленную деятельность человека; от числа мотивов, которые блокируются.

Как показали эксперименты Курта Левина и его сотрудников, когда дети подвергаются фрустрации, у них не только усиливается агрессивность, но наблюдаются и другие изменения психической деятельности. Это означает, что *агрессия всегда возникает и выражается в тесном сочетании с другими психическими изменениями личности – защитными и компенсаторными*. Опыты Р. Баркера, Т. Дембо и К. Левина показали⁵⁰, что наша идея о существовании защитных комплексов соответствует действительности⁵¹. Во время экспериментов этих авторов агрессия выступала в сочетании с интересными формами *регрессии*, то есть с процессом возврата личности на предыдущие, более примитивные уровни психического развития, поведения, мышления и переживаний. Во время экспериментов у фрустрированных детей наблюдались примитивизация игровой деятельности, общее снижение уровня психической активности, которое было названо этими авторами временным нарушением личностных функций или «отсутствием дифференциаций».

Когда человек реагирует на фрустрацию агрессивными действиями, то это означает, что он наступает на блокирующий его активность объект или же на другие, замещающие

⁴⁸ Dollard J., Doob L.W., Miller N.E., Mowrer O.H. and Sears R.R. *Frustration and aggression*. New Haven, Yale Univ. Press, 1939.

⁴⁹ Lawson R. *Frustration. The development of a Scientific Concept*. The Macmillan Comp., New York, London. 1965.

⁵⁰ См.: Barker R.G., Dembo T., Lewin K. *Frustration and regression*. Univ. of Iowa Studies in Child Welfare. 1941, 18, No.1; См. также: Lawson R., *op.cit*; Janis I.L. a.o. *Personality*, Pp. 150–153.

⁵¹ Налчаджян А. А., указ. соч.

объекты. Так как целью агрессии является уничтожение объекта (фрустратора) или лишение его дееспособности, она могла бы иметь значительное адаптивное значение, если бы жизнь современного человека не зависела от социальных групп, в которых агрессивность по возможности подавляется и скрывается. В особых ситуациях агрессия может быть реалистической и приемлемой формой приспособления, когда, например, человек оказывает сопротивление проникшего в его дом вооруженному бандиту. Но обычно агрессия не является удовлетворительной техникой адаптации. Чаще всего она вызывает ответные агрессивные действия, социальное отчуждение и даже наказание. Это, в свою очередь, приводит к новым фрустрациям человека.

Наконец, здесь уместно напомнить и о полученных Арнольдом Бассом данных о том, что прямая агрессия в виде физического удара вызывается у человека тогда, когда нападающий выражает признаки того, что готовится ударить, замахивается, демонстрирует оружие и т. п. Иначе говоря, прямая физическая агрессия чаще всего является ответом на прямую физическую агрессию другого и на угрозу применения такой агрессии.

§ 3. Новые проблемы исследования агрессии в трудах Н. Миллера и соавторов

Уже в упомянутой статье 1941 года Н. Миллер и его соавторы, пытаясь уточнить понятия теории фрустрации-агрессии, указали на ряд путей, по которым должна была идти дальнейшая работа по исследованию агрессии. Они наметили четыре главных линий, по которым должна продолжаться, по их мнению, развитие теории агрессии:

1) Исследование и разъяснение клинических и социальных фактов. Авторы отмечают, что у человека порой возникают острые личные конфликты при попытках овладения (совладения) своей агрессией. Исследование проблемы агрессии, по их мнению, может играть важную роль при формировании больших социальных организаций, при изучении межгрупповых конфликтов и т. п.

2) Авторы теории фрустрации-агрессии указали на необходимость обнаружить те законы, согласно которым импульсы к агрессии выражаются в различных ситуациях. Они отметили, что некоторые проблемы этой области становятся видимыми, когда учитываются такие явления, как замена объекта агрессии (перемещение агрессии), изменение формы агрессии и ее катарсис.

3) Необходимо попытаться узнать как можно больше о тех последствиях, к которым (кроме агрессии) приводит фрустрация. Необходимо исследовать рациональное мышление и процессы решения задач (как они в то время были представлены в трудах Джона Дьюи), процессы замены ответа и агрессией и т. п.

4) Авторы считали очень важным выявление тех условий, при которых агрессивная тенденция фрустрированного человека занимает ведущее или второе, или одно из второстепенных мест среди всех возникающих тенденций.

5) Наконец, Дж. Доллард, Н. Миллер и их соавторы считали важной проблему сведения гипотезы фрустрации-агрессии к более фундаментальным принципам и, отсюда, к более точной формулировке гипотезы в терминах этих базальных процессов⁵².

Надо сказать, и это обстоятельство отметил еще Р. Лоусон, что первые две линии в определенной мере были уже развиты в упомянутой книге этих авторов «Фрустрация и агрессия». В целом дальнейшее исследование агрессии во многом пошло по указанным путям. Однако нам кажется, что до сих пор слабо исследованы взаимосвязи агрессии и других психозащитных механизмов – неагрессивных ответов на воздействие фрустраторов. Именно поэтому данная проблематика занимает одно из ведущих мест в настоящей книге.

⁵² См.: Miller N. *The Frustration – Aggression Hypothesis*. – “*The Psychological Review*”, 1941, 48, Pp. 337–342.

§ 4. Основные фрустраторы и условия фрустрации

Фрустраторов в жизни людей – великое множество. Подробное их описание дано в специальной литературе по стрессу и фрустрации. Здесь же мы кратко опишем некоторые из самых часто встречающихся фрустраторов, вызывающих агрессивное поведение. При этом мы продолжим обсуждение сильных и слабых сторон теории фрустрации-агрессии, основные тезисы которой только что были изложены.

А. Фрустрация как блокада целенаправленной деятельности

Положение теории фрустрации-агрессии, согласно которой фрустрация всегда вызывает агрессивную реакцию, как уже было показано, только частично соответствует действительности, поскольку фрустрированные люди не всегда прибегают к той или иной разновидности агрессии. Наблюдается широкий спектр реакций – начиная от ухода, смирения и беспомощности до активных попыток преодоления препятствий.

Например, влюбленный мужчина, получивший отказ и тем самым сильно фрустрированный, может предаваться грусти, лежать в постели и спать значительно дольше обычного, переживать глубокую депрессию, но не предпринимать активных агрессивных действий против своих фрустраторов. Дело в том, что агрессия редко возникает в социальном и культурном вакууме, для ее выражения необходимы специфические условия, нередко – весьма сложные.

Для правильного понимания этих явлений следует иметь в виду, что отсутствие явных агрессивных действий еще не означает отсутствия агрессивных тенденций и даже осознанных желаний, вербальной агрессии во внутренней речи личности. Следует ли считать, что в таких случаях нет агрессивного поведения и даже агрессивности? Конечно, нет! Такое утверждение возможно только в устах ортодоксальных бихевиористов. Подобная тенденция в понимании агрессивных ответов на фрустрацию наблюдается в работах американских исследователей агрессии А. Бандуры, Р. Бэрона и других.

Исходя из того, что в явном поведении фрустрированных людей агрессивные действия часто отсутствуют, один из создателей теории фрустрации-агрессии Нил Миллер уже в 1941 году пришел к выводу, что фрустрация ведет не только к агрессии, но и к различным другим формам активности.

Второе утверждение теории фрустрации-агрессии, согласно которому агрессивное поведение будто всегда является следствием фрустрации, тоже не всегда соответствует действительности. Агрессивные действия возможны даже при полном отсутствии фрустраторов. Артиллерист или летчик бросают бомбы на города противника, совершенно не зная тех людей, которые там живут. Его действия агрессивны, но он не фрустрирован: он просто выполняет свой долг, исполняет приказ своего начальства, желает получить награду. Он может мотивировать свои действия патриотизмом и т. п.

Поэтому современные исследователи пришли к выводу, что фрустрация является только одним из факторов, *с большой вероятностью* вызывающих агрессивное поведение людей. Но, поскольку речь идет о вероятности, то вполне возможны случаи (и они действительно есть), когда даже фрустрация не вызывает агрессивных действий человека. Кроме того, всегда надо иметь в виду то, что уже сказано выше: фрустрация, кроме агрессии, приводит и к другим защитным и адаптивным, или дезадаптивным, действиям человека.

Проведены исследования, которые показали, что фрустрации нередко не усиливают агрессивность человека. В целом ряде других исследований получены данные, которые свидетельствуют о том, что фрустрации даже уменьшают уровень агрессивности поведения

испытуемых⁵³. Но и в таких случаях надо иметь в виду, что одно дело агрессивность, которая может усиливаться под влиянием новых фрустраторов, другое дело – агрессивное поведение, которое действительно может сокращаться и подавляться, например, в том случае, если человек боится наказания.

Но есть и другая возможность. Можно предложить *гипотезу*, согласно которой *редукция агрессии под воздействием новых фрустраторов обусловлено тем, что в психике человека агрессия заменяется другими адаптивными механизмами или же превращается в другие психологические процессы*, в частности, в результате частичной или полной сублимации. Если это так, то новые фрустрации могут интенсифицировать творческую активность человека, что и нередко имеет место в реальной жизни. В трудных социальных условиях, подвергаясь гонениям, некоторые ученые и художники, писатели и композиторы работают более продуктивно, чем при полном благополучии.

В других же исследованиях получены результаты противоположного характера: фрустрации облегчают выполнение агрессивных действий и увеличивают их интенсивность и длительность⁵⁴.

Рассматривая эти противоречивые результаты, Р. Бэрн и Д. Бирн объясняют их двумя причинами: а) фрустрация приводит к усилению агрессии только в том случае, если она достаточно интенсивна; если же фрустрация слаба или имеет среднюю силу, то почти никакого изменения агрессии не наблюдается. Эти авторы при этом ссылаются и на другие исследования⁵⁵; б) некоторые исследования показали, что фрустрация приводит к усилению агрессии лишь в том случае, если воспринимается как произвольная и бессмысленная. Когда же она считается фрустрированным человеком оправданной и обоснованной, у него почти никакой агрессии не возникает⁵⁶. Это свидетельствует о большой роли тех познавательных процессов по восприятию и оценке фрустраторов, о которых у нас предстоит отдельный разговор. Эти познавательные процессы, наряду с мотивами и эмоциями, обуславливают характер агрессивных действий человека.

Таким образом, вопрос о связи фрустрации с агрессией оказывается несравненно более сложным, чем предполагали Дж. Доллард и его коллеги.

Б. Роль вербальной атаки

Сильное влияние на параметры агрессивного поведения оказывает словесная (вербальная) атака. Повседневные наблюдения свидетельствуют о том, что люди чаще всего приходят в агрессивное состояние тогда, когда кто-либо непосредственно их провоцирует словами и делами. Такая агрессия все больше и больше усиливается, как говорят, «эскалирует».

Нет сомнения, что вербальная атака является разновидностью сильного стресс-фрустратора. Она обычно направлена на представление человека о себе, то есть на его я-концепцию (самоконцепцию). Иметь положительный образ собственной личности, высокую самооценку – желание большинства людей, если не всех. Словесно атакуя человека, его враги

⁵³ См.: **Buss A.H.** *Physical aggression in relation to different frustrations.* – “*Journal of Abnormal and Social Psychology*”, 1963, 67, Pp.1–7; *его же: Instrumentality of aggression, feedback, and frustration as determinants of physical aggression.* – “*Journal of Personality and Social Psychology*», 1966, 3, Pp. 153–162; etc.

⁵⁴ См.: **Geen R.G.** *Effects of frustration, attack, and prior training in aggressiveness upon aggressive behavior.* – “*Journal of Personality and Social Psychology*», 1968, 9, Pp. 316–321; **Geen R.G. and Berkowitz L.**, *Some conditions facilitating the occurrence of aggression after the observation of violence.* – “*Journal of Personality*», 1967, 35, Pp. 666–676.

⁵⁵ **Harris M.B.** *Mediators between frustration and aggression in a field experiment.* – “*Journal of Experimental Social Psychology*”, 1974, 10, 10, Pp.561–571.

⁵⁶ **Worchel S.** *The effects of three types of arbitrary thwarting on the instigation to aggression.* “*Journal of Personality*”, 1974, 42, Pp. 301–318.

и недоброжелатели стремятся оскорбить и дискредитировать его, бьют по его я-концепции, фрустрируют его. Очевидно, что в комплексном ответе на воздействие такого неприятного фрустратора ведущее место должна занимать агрессия.

Из повседневных наблюдений, отмечают Р. Бэрон, Д. Ричардсон и другие, мы знаем, что издевательство, сарказм и словесно выраженные другие формы отрицательного отношения к человеку оскорбляют его сильнее, чем неприятные физические раздражители⁵⁷. Это более распространенные формы фрустрирующей агрессии, чем наказание кулаком и оружием. И они обычно вызывают сильные агрессивные ответы. Причем вербальное нападение часто вызывает у фрустрированного человека физическую агрессию. По этой причине словесные баталии нередко переходят в физические, кулачные. Словесная фрустрация – часто более эффективное средство для вызова агрессивных действий, чем многие другие фрустраторы. Словесное нападение на человека – это агрессия против него, на что он отвечает агрессией – словесной или даже физической. Это возмездие за агрессию противника.

То, что вербально нанесенное фрустрирующее воздействие может быть очень сильным и превзойти другие формы фрустрации, было доказано в ходе специальных экспериментов. Во время одного из них испытуемых разделили на три группы. Членов первой группы без всякой причины оскорбляли (сообщник психолога допускал о них неприятные, нелестные комментарии). Члены второй подгруппы подверглись *личной фрустрации* (сообщник психолога не давал им завершить решение порученной задачи). Члены же третьей подгруппы подверглись *проблемной фрустрации*: испытуемые не сумели решить задачу, так как ее невозможно было решить. Наконец, как всегда, существовала также контрольная группа, члены которой не подверглись ни одному из названных видов неприятных воздействий.

После этих процедур членам всех четырех подгрупп предоставили возможность совершить агрессивные действия против сообщника психолога с помощью электрических ударов в ходе эксперимента по методике Басса-Берковица «учитель – ученик». Результаты данного, второго этапа исследования показали, что те, кто был подвергнут вербальной атаке, проявляли самый высокий уровень физической агрессии против своей жертвы. Дальше идут по эффективности личная фрустрация и проблемная фрустрация. Как и следовало ожидать, члены контрольной группы были наименее агрессивными⁵⁸.

Сходные результаты получены и в других исследованиях⁵⁹. Конечно, трудно сопоставить силу этих различных фрустраторов (оскорбления словом, личной фрустрации и проблемной фрустрации). Поэтому не следует думать, что любое оскорбление словом, как фрустратор, сильнее любой личной или проблемной фрустрации.

В. Некоторые условия, способствующие агрессии

Рассмотрим некоторые из внешних и внутренних условий, способствующих актуализации агрессивного поведения людей.

1) *«Заражение агрессией»*. Восприятие агрессивных действий других, в современной социально-психологической литературе обычно называемых «социальными моделями», иногда вызывает агрессивные действия тех, кто их воспринимает. Такое влияние оказывает, например, просмотр кино – и телепередач. Под воздействием социальных моделей люди обучаются новым способам агрессии. Их внутренние механизмы, обычно сдерживающие

⁵⁷ Baron R. and Byrne D. *Social Psychology*. New York, 1977; Бэрон Р., Ричардсон Д. *Агрессия*. СПб, "Питер", 1997, с. 137.

⁵⁸ Geen R.G. *Effects of frustration, attack, and prior training in aggressiveness upon aggressive behavior*. "Journal of Personality and Social Psychology", 1968, 9, Pp. 316–321.

⁵⁹ Rule B.G. and Hewitt L.S. *Effects of thwarting on cardiac response and physical aggression*. "Journal of Personality and Social Psychology", 1971, 19, Pp.181–187.

агрессию, ослабляются. Уменьшается чувствительность людей к признакам боли, страдания и тех неудобств, которым подвергаются эти социальные модели, например киногерои.

Наблюдаемые в реальной жизни агрессивные действия очень заразительны и могут возбуждать коллективные враждебные чувства и групповые акты насилия. Как верно заметили социальные психологи (Р. Бэрн, Д. Бирн и другие), даже в самых напряженных ситуациях сколько-нибудь заметных агрессивных действий люди не совершают, пока один из «горячих голов» не совершает первый агрессивный акт. До этого, однако, наблюдаются признаки агрессивности, враждебной настроенности: злое ворчание, трепка и т. п. Как только нанесен первый удар, начинается драка. Инициаторы агрессивных действий могут рассматриваться в качестве агрессивных моделей для остальных. Совершая первые агрессивные действия, они уменьшают силу внутренних сдерживающих факторов.

Но здесь есть одно важное обстоятельство: инициаторы агрессии быстрее приводят в активное агрессивное состояние тех из присутствующих, кто имеет длительную историю фрустраций социальной несправедливостью и другими фрустраторами. Быстрее примыкает к агрессивным действиям инициаторов (в роли которых часто выступают лидеры групп) те, кто имеет накопленную враждебность, а тем более те, у кого агрессивность – устойчивая черта характера. В лабораторных экспериментах тоже доказано, что агрессивные модели оказывают сильное возбуждающее воздействие на присутствующих⁶⁰.

2) **Роль агрессивных стимулов.** Леонард Берковиц показал, что важным детерминирующим фактором, вызывающим агрессивные действия, являются агрессивные знаки или стимулы (*aggressive cues*), присутствующие в данной ситуации. Эти стимулы развязывают агрессивные действия тех, кто уже приведен в состояние готовности для совершения агрессивных действий. Л. Берковиц доказал, что любой стимул (вещи, люди и т. п.), многократно сочетаемый с агрессивными действиями, постепенно может приобретать способность вызвать агрессивные действия⁶¹. Речь, по-существу, идет об установлении условных связей между стимулами и реакциями.

Исследования Л. Берковица и других психологов показали, что если фамилия испытуемого имела сходство с фамилией грубого боксера в продемонстрированном в лаборатории фильме, то он проявлял более интенсивную агрессию по отношению к вызвавшим его гнев испытуемым.

Сильной способностью вызвать агрессивность обладает **оружие**, потому что оно является орудием агрессии. Причем простое наличие оружия – револьвера, ножа и т. п. – достаточно для усиления агрессии: это оружие может никем не использоваться, но подобный эффект обычно вызывает. Правда, когда испытуемым объясняют смысл проводимого эксперимента, названный эффект исчезает. Отсюда мы можем заключить, что влияние оружия на агрессивную мотивацию является преимущественно подсознательным.

Исследования показали, что **даже при невысоком уровне фрустрации у человека создается внутренняя готовность к совершению агрессивных действий**. В таких случаях появление интенсивных провоцирующих факторов достаточно для того, чтобы человек от переживания состояния фрустрированности (общее возбуждение, недовольство, гнев) перешел к агрессивным действиям. Так, недавно один молодой торговец избил до смерти мальчика, который украл из его лавки какой-то предмет. Во время судебного разбирательства он старался оправдываться тем, что до этого у него дома была ссора и он пришел в магазин

⁶⁰ См., например: **Baron R.A.** *Reducing the influence of an aggressive model. The restraining effects of peer censure.* – “*Journal of Experimental Social Psychology*”, 1972, 8, Pp. 266–275.

⁶¹ **Berkowitz L.** *The frustration-aggression hypothesis revisited.* In “*Roots of Aggression*”, Ed. by L. Berkowitz. New York: Atherton, 1969; *его же: Some determinants of impulsive aggression: Role of mediated association with reinforcements for aggression.* – “*Psychological Review*”, 1974, 81, Pp.165–176; **Geen P.G. and O'Neil E.C.** *Activation of cue-elicited aggression by general arousal.* – “*Journal of Personality and Social Psychology*”, 1969, 11, Pp. 289–292.

злым, и вот тут – этот маленький вор... Психологически все верно, но агрессивная реакция фрустрированного торговца была чрезмерной, что и вело к совершению страшного преступления. Такие случаи воочию показывают нам, с помощью каких механизмов агрессивность распространяется в обществе. Но важно отметить вот что: если даже индивид сам не фрустрирован, но воспринимал агрессивные сцены, у него создается готовность к агрессии, и провоцирующие факторы (люди, оружие и др.) могут стать ее релизерами, то есть пусковыми механизмами. О последних у нас предстоит отдельное обсуждение в одной из последующих глав.

В свете подобных фактов нас не должно удивлять то, что значительная часть убийств совершается с помощью личного оружия. Наличие дома, под рукой, оружия стимулирует человека совершить агрессивные действия. Жертвами же очень часто становятся члены семьи. В тех странах, где запрещены ношение и продажа оружия, совершается значительно меньше убийств, чем в тех, в которых таких ограничений нет. Так, в США каждый год совершается около 10000 убийств с помощью огнестрельного оружия, а в Англии – всего 10.

3) **Возбуждение организма и агрессия.** Исследования показали, что высокий уровень физиологической активности, чем бы она ни была вызвана, облегчает совершение насильственных действий. Громкий и неприятный шум, соперничество и даже активные физические упражнения в определенных условиях усиливают агрессивность людей.

Однако, чтобы высокий уровень психофизиологической активности организма привела к агрессивным действиям, взаимодействующие индивиды должны обладать агрессивностью в качестве доминирующей тенденции поведения. Если же этого нет, то сильное возбуждение приводит к другим действиям. Иногда агрессивные действия даже подавляются. Если, например, человека сначала оскорбляют, а затем подвергают воздействию сильных неприятных звуков, то последние заметно усиливают его агрессивность по отношению к тому, кто его оскорбил. Другой же испытуемый, с которым тот же человек обращался вежливо, под воздействием одинакового шума показал лишь незначительное усиление агрессивности.

Важна также точность восприятия человеком источника своего возбуждения. При неверной интерпретации человек может совершить агрессивные действия. Если человек точно осознает, что пришел в возбужденное состояние под воздействием шума, физических упражнений, соперничества или других факторов, то его агрессивность не усиливается. Но если источник своего возбуждения человеку не известен, он может приписать его другим причинам и переживать агрессивность. Здесь начинает играть роль механизм *атрибуции*.

4) Нередко на внешние неприятные раздражители и фрустраторы люди отвечают неадекватно сильной, то есть сверхсильной агрессивной реакцией. Когда подобные действия направляются на социальные объекты, они очень часто оказываются несправедливыми.

Почему люди отвечают сверхсильной реакцией, когда внешнему наблюдателю ясно, что в этом не было необходимости? Например, ребенок ведет себя плохо и мать начинает бить его, хотя можно было терпеть. Еще Дж. Доллард и его коллеги показали, что интенсивность агрессивного ответа человека на неприятные стимулы и фрустраторы зависит от следующих факторов: а) от интенсивности предвосхищаемого удовольствия, которое индивид надеялся получить в результате достижения поставленной перед собой цели; б) от частоты блокирования его целенаправленной активности; в) от полноты, тотальности блокады на пути к цели, а следовательно, и к удовольствию.

Другие психологи обращают внимание на дополнительные причины появления у людей сверхсильных агрессивных реакций. Например, Л. Берковиц считает, что в подобных случаях агрессоры уже были в раздражительном, злом психическом состоянии, поэтому и новый раздражитель вызвал неадекватно сильную реакцию. Но могут существовать и дру-

гие факторы, например такой: мишень агрессии (жертва) может быть человеком, который неприятен агрессору и в прошлом фрустрировал его.

Из-за неадекватно сильных агрессивных действий часто страдают совершенно невинные люди. Поэтому в психологии следует уделить описанному явлению значительно больше внимания, чем это делается до сих пор. Феномен этот интересен и для юридических психологов. При этом важно учесть, что такое иррациональное усиление агрессивности личности, подобная сильная враждебность, нередко сочетается с заменой объекта агрессии и переносом вектора агрессии на новый и, как правило, невинный объект.

5) Непосредственные фрустраторы и факторы риска. Когда мы рассматриваем фрустрацию и защитное поведение человека, можно заметить, что воздействие каждого конкретного фрустратора на личность происходит на общем фоне социально-экономической жизни общества. Человек может переживать фрустрацию в условиях бедного или богатого, более агрессивного или менее агрессивного, более или менее идеологизированного общества. Присутствует также общий этнический менталитет, общественные настроения и другие фоновые факторы.

Поэтому мы выделяем два уровня фрустраторов: 1) **непосредственные фрустраторы**, например потеря работы, личное оскорбление, потеря друга и т. п. 2) **Фоновые фрустраторы или факторы риска**⁶², которые повышают вероятность фрустрации людей. Создавая общий эмоциональный фон, они делают людей более чувствительными к фрустраторам, то есть снимают порог толерантности к неприятным факторам. Они необязательно конкретно фрустрируют человека, но создают для этого психологические предпосылки. 3) Чем больше факторов риска в обществе, тем вероятнее, что люди на воздействия конкретных фрустраторов ответят агрессивно.

б) Сексуальное возбуждение и физическая агрессия. Проблема состоит в следующем: когда испытуемый воспринимает сексуальные сигналы, то что происходит с его агрессивностью: она усиливается или же ослабляется?

Проведенные экспериментальные исследования показали, что сексуальное возбуждение усиливает агрессивные действия, направленные на других. В иных же экспериментах получены противоположные результаты: они показали, что сексуальное возбуждение уменьшает агрессивность человека. Сравнение этих результатов, осуществленное Р. Бэроном и Д. Бирном, показало, что агрессивность усиливается, когда людям показывают крайне откровенные сексуальные ситуации (фильмы, в которых молодые пары действительно спариваются; крайне откровенные описания сексуальной жизни из книг). Когда же показывают более скромные сексуальные раздражители (голых девушек из журнала “Плейбой” или привлекательных девушек в купальниках), то агрессивность наблюдателей не усиливается⁶³.

Но почему сильные и слабые сексуальные раздражители приводят к таким различным результатам? Одно из возможных объяснений состоит в том, что сексуальные стимулы сначала усиливают возбуждение человека, а затем отвлекают внимание от других возбудителей, которые воздействовали раньше. Приведет ли сексуальный стимул к усилению или ослаблению агрессивности, зависит от того, какой из этих двух эффектов будет преобладать. Так как слабые стимулы приводят к слабому возбуждению, они главным образом будут отвлекать внимание. Они приведут к ослаблению агрессии позднее. Более сильный же стимул, порождая интенсивное возбуждение, приведет к усилению агрессии в тех условиях, в которых такое поведение является сильным и доминирующим ответом присутствующих людей.

⁶² Вопрос о факторах риска кратко обсуждает Л. Берковиц в конце своей книги “Агрессия” (с. 499–500).

⁶³ *Baron R. and D. Byrn, op. cit., pp. 426–427. Здесь дан неполный обзор этих исследований.*

Эксперименты показали, что, действительно, слабые сексуальные стимулы ослабляют дальнейшую агрессивность, сильные же сексуальные стимулы усиливают ее. Но связь между сексом и агрессивностью имеет сложный характер.

При более глубоком подходе к этой проблеме не обойтись без обсуждения вопроса о сублимации. Но авторы вышеупомянутых исследований, а также Р. Бэрн и Д. Бирн, находятся под сильным влиянием бихевиоризма, поэтому и не касаются этой важной проблемы.

7) Влияние наркотиков. Спиртные напитки усиливают агрессивность, а марихуана, наоборот, подавляет ее. Последнее объясняется тем, что марихуана вызывает очень приятное психическое состояние. Человек чувствует себя ослабленным и уже не думает об агрессивных действиях.

Это доказано экспериментально Стюартом Тейлором. Он показал, что небольшие дозы спиртных напитков ослабляют агрессивность, а большие, наоборот, усиливают, поскольку снимают внутренние сдерживающие силы. Но и в этом случае человек совершает агрессивные действия только тогда, когда его провоцируют.

Агрессивность людей усиливается также под влиянием высокой температуры, скопления большого количества людей на ограниченной площади, но не всегда, а при наличии определенных специфических условий.

§ 5. Факторы, определяющие силу агрессии

Сила или интенсивность агрессии определяется силой ее мотивации и уровнем разрушительности, вредоносности. Чем сильнее враждебность и гнев, определяющие и порождающие агрессивные действия человека, тем вредоноснее соответствующие агрессивные действия. Мотивация и гнев влияют и на другие стороны и параметры агрессии, например, на ее длительность. Но здесь нас интересуют факторы, определяющие интенсивность агрессии человека.

Обобщив соответствующие исследования, Ирвинг Дженис, известный специалист в области психологии личности, указывает на следующие три фактора: а) произвольность наложенных на личность деприваций (лишения); б) ожидаемый уровень деприваций и отклонение уровня реальной депривации в ту или иную сторону от него; в) превосходящие социальные наказания или вознаграждения за агрессивные действия⁶⁴.

Вкратце рассмотрим суть этих факторов, добавляя ряд соображений.

А. Произвольность налагаемых на личность деприваций

В тех ситуациях, в которых нас лишают определенных желательных ценностей, наши реакции до некоторой степени определяются тем, в какой мере мы считаем эти лишения обоснованными, каковы те основания, по которым нас лишают ценностей, к которым мы стремимся. Когда мы убеждаемся, что фрустрированы необоснованно, без пользы для деятельности и мотивов более высокого уровня, то наша агрессивная реакция, как правило, бывает более интенсивной. Это означает, что **и при наказании мы ждем справедливости**. Если же ее нет, мы возмущаемся значительно сильнее, чем тогда, когда подвергаемся такому же наказанию, но за дело, то есть справедливо. Чувство **относительной депривации** и нарушения принципа справедливости возникают тогда, когда обычный и считавшийся справедливым механизм распределения благ кем-то нарушается с целью лишить человека своей законной доли. Это такой способ употребления власти, при котором нарушаются такие принятые и обычные правила распределения благ, как ранговое структурирование и территориальность. Они создают в людях определенные ожидания, при провале которых люди переживают фрустрацию.

В тех случаях, когда фрустрация заранее предвидится и считается неизбежной, недовольство и враждебность человека бывают намного более умеренными. Во время исследования социальных причин преступлений в местах заключения в 1985–1986 гг. мы встречали как первый, так и второй тип фрустрации. В частности, там были люди, которые относительно спокойно ждали конца своего срока заключения и говорили, что они справедливо сидят, поскольку совершали преступления и знали, на что идут. Ожидаемое наказание совпало с реальным и они переживали умеренную фрустрацию.

Правильность приведенных выше тезисов можно доказать и многими бытовыми примерами. Например, если муж возвращается домой позже обычного и его объяснения представляются жене убедительными, тогда ее недовольство быстро исчезает, не принимая формы выраженной агрессивности. Возмущение, возникшее вследствие фрустрации, не становится мотивом интенсивных агрессивных действий. В противном же случае, когда жена подозревает обман, она, переживая более интенсивную фрустрацию и возмущение, может совершить более энергичные агрессивные действия.

⁶⁴ См.: Janis I.L. a.o. *Personality. Dynamics, development, and assessment*. New York, 1969. Pp.156–162.

Распространенной и психологически интересной формой депривации и фрустрации является невыполнение данных заранее обещаний и последующие самооправдания, сочинение искусственных доводов, мотивировок. Когда оправдывающие доводы, которые в психологии получили название *рационализаций*, оказываются неубедительными, у жертвы обмана возникает сильная агрессивность. Поэтому обман можно считать сильнейшим фрустратором, направленным против самосознания и положительной самооценки личности, против ее самоуважения.

Произвольная, неоправданная фрустрация вызывает более сильную агрессивность тогда, когда фрустраторами являются конкретные, живые люди. Фрустрация человека слабее выражена тогда, когда его фрустрируют безликие организации. В условиях бюрократизации современных обществ данная закономерность чревата многими негативными последствиями.

Б. Отклонение от ожидаемой фрустрации

Ожидаемые фрустрации, как правило, вызывают более слабую агрессию, чем неожиданные. Степень ожидания, случайности или неожиданности фрустрации являются одними из промежуточных звеньев между фрустрацией и агрессией.

Исследования показали, что если индивид А ждет от Б положительного отношения и оценки, но в отличие от ожидаемого, получает отрицательную оценку, такое расхождение его расстраивает сильнее, чем в том случае, когда ожидание отрицательной оценки совпадает с реальной оценкой. Например, когда нам сообщают, что один из наших врагов говорил о нас неприятности, то эта информация нас может почти не волновать: так и должно было быть, другого отношения мы и не ждали от него. Непредвиденные фрустрации вызывают более интенсивную агрессию, чем предвидимые и ожидаемые. Это подтверждено экспериментами⁶⁵.

Не в этом ли причина того, что даже самая слабая критика нашего друга причиняет нам более интенсивное волнение, чем острая критика неприятеля? И не потому ли так легко портятся отношения с друзьями, а отношения с врагами остаются относительно устойчивыми? И недаром говорят, что если хочешь потерять друга, испытай его!

Когда человек-фрустратор является носителем соответствующей социальной роли (то есть если он воспитатель, полицейский, судья или непосредственный руководитель), тогда его фрустрирующие действия обычно считаются естественными и ожидаемыми, а наша агрессия редко принимает интенсивные формы. Когда же роль надзирателя или воспитателя берет на себя случайный человек, не занимающий в обществе соответствующего статуса, то у нас возникает более интенсивная агрессивность и мы готовы совершить более суровые агрессивные действия.

Здесь, конечно же, возникает проблема *легитимности* (законности) действий того человека, который применяет к нам социальную власть в той или иной форме. Эта проблема требует особого рассмотрения в области психологии власти и лидерства.

Во всех подобных случаях большую роль играет *неожиданность* появления фрустратора, несовместимость его появления с нашими ожиданиями. Людям приятно, когда их вероятностные предвосхищения будущих событий оправдываются. Когда же происходит обратное, они переживают разочарование, гнев и агрессивность, за которыми могут последовать насильственные действия.

Поэтому *сила агрессии, и вообще интенсивность используемых защитных механизмов, не находится в прямой пропорциональности с силой фрустратора*. Игруют роль

⁶⁵ См.: Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб, "Питер", 1997, с. 132–133.

ожидания, чувство справедливости, знание социальных ролей и другие внутриспсихические и социально-психологические факторы. Вообще проблема *нарушения ожиданий* как источника фрустраций людей, заслуживает самого серьезного внимания. Она связана с теорией ролей и социальных групп, с социометрией и с другими направлениями современной социальной психологии. Поскольку *уровень ожиданий* зависит от участия человека в деятельности групп, то теория *референтных групп* должна играть значительную роль в определении степени относительной депривации: последняя, следовательно, неодинакова у людей, поскольку они являются членами различных референтных групп. Под влиянием одной и той же приваии или депривации, то есть фрустратора, один индивид переживает интенсивную фрустрацию, другой – слабую, а третий может остаться даже безразличным. Эти различия связаны не только с их индивидуальностью (то есть с различиями черт характера, темперамента, установок, привычек и т. п.), но и с различием их эталонных и референтных групп, а следовательно – со специфичностью их ожиданий, предъявляемых как к своей роли, так и к ролям тех людей, с которыми они взаимодействуют.

Утверждение о большей агрессогенности неожиданных фрустраций можно проиллюстрировать с помощью многих исторических фактов. Например, вероломное нападение соседа вызывает более интенсивное возмущение, чем ожидаемое.

В. Предвосхищение вознаграждений и наказаний

Ожидаемые реакции социальной среды оказывают существенное влияние на силу и проявления агрессивности человека. *Ожидание последствий* агрессивных действий, то есть их инструментальная ценность, влияет на поведение фрустрированной личности. В процессе своей социализации индивид получает много информации об этом от агентов этого процесса – от родителей, учителей, старших товарищей и других авторитетных для себя лиц. *Положительная обратная связь* о возможных последствиях агрессивных действий оказывает заметное влияние на поведение фрустрированной личности. Примеров тому в повседневной жизни очень много. Если человек убежден, что его агрессивные действия помогут в достижении поставленной цели, обычно эти действия совершаются и усиливаются. Беспольная же агрессивность бывает кратковременной и быстро теряет свою интенсивность.

Отрицательная обратная связь также оказывает влияние на агрессивные действия человека. Например, когда индивид видит, что вследствие своих агрессивных действий страдает другой человек, то его агрессивность может в значительной степени лишиться своей интенсивности. Как показали многочисленные исследования, *легче быть жестоким на расстоянии*, чем в процессе непосредственного общения с человеком – жертвой собственной агрессии. Поведение *садистов* составляет исключение. О них у нас – особый разговор.

Страх перед возмездием, ожидание наказания – особая форма отрицательной обратной связи. Поэтому когда фрустратором является человек, занимающий высокий социальный статус, у жертвы возникают более слабые агрессивные действия, чем в том случае, когда фрустратор занимает низкий статус. Правда, здесь надо иметь в виду различие между агрессией (как формой поведения) и агрессивностью (как особым внутренним состоянием личности): бихевиористически ориентированные исследователи агрессии человека не проводят или недостаточно четко проводят это различие и поэтому ошибочно полагают, что против социального агрессора с высоким статусом возникает слабая агрессивность. Психическое состояние агрессивности, включающее гнев, ненависть и враждебность, может быть очень интенсивным, но не привести к активным агрессивным действиям против фрустратора из-за страха перед наказанием. В таких случаях часть агрессивности получает разрядку через замещение (вымещение). Вообще когда прямые формы агрессии под влиянием страха перед возмездием сокращаются и подавляются, усиливаются ее не прямые формы: вымещение на

невинных объектах, ругательства, сопровождающиеся агрессивными фантастическими сценами и т. п.

§ 6. Уровень притязаний, реальный результат, фрустрация и сила агрессии

Как известно, когда человек ставит перед собой определенную цель, он предвосхищает то удовольствие, которое может получить при ее достижении. Чем ценнее для него цель, тем выше уровень притязаний человека. Поэтому можно сказать, что чем выше уровень притязаний человека, тем более интенсивное удовольствие он воображает получить, представляя себе достижение труднодоступной цели. Теперь цель можно считать идеальной.

В основном три особенности цели оказывают влияние на силу фрустрации как следствия блокады целенаправленной деятельности: а) важность цели, ее ценность; б) ее привлекательность; в) предвосхищение близости достижения этой цели.

Между тем известно, что стремясь к таким идеальным целям, люди обычно реально добиваются более скромных результатов. Возникает разрыв между идеальной целью и реально достигаемым результатом (приобретенной целью). Можно предложить следующую *гипотезу*: возможно, что чем больше указанный разрыв между реальной и идеальной целями, тем глубже фрустрация и тем интенсивнее возникающие гнев, враждебность и агрессия.

За примерами далеко ходить не надо: 1) Я хотел иметь 1000 долларов, но сумел заработать только 100 (200 и т. п.). Чем больше разрыв, тем интенсивнее моя фрустрация. 2) У меня идеальный я-образ, но я достиг такого развития своей личности (имея соответствующий реальный я-образ), которое сильно отличается от моего я-идеала. Чем больше разрыв, тем сильнее и мучительнее фрустрация.

Здесь и во всех подобных случаях присутствует один психологический фактор, который играет существенную роль при детерминации глубины и интенсивности фрустрированности и силы агрессии. Речь идет о том, предвосхищал ли человек тот результат и то удовольствие, которые мог бы получить. Если предвосхищал, тогда лишение вызовет более интенсивную фрустрацию, чем тогда, когда не предвосхищал и не осознавал.

Например, мужчина P_1 общается с женщиной P_2 , которая ему очень нравится. Он хотел бы жениться на ней, но не знает, как относится P_2 к нему. Они разъезжаются, P_1 фрустрирован, но умеренно, поскольку полагает, что не вызвал симпатии у этой женщины. Но представим себе, что позже он узнает, что она была влюблена в него, но не смогла признаваться в этом. Здесь уже наш P_2 переживет сильнейшую фрустрацию, глубокое чувство того, что лишен чего-то очень ценного. Он может пережить сильнейшую агрессивность, направленную на собственную личность за то, что не догадался о ее влюбленности. Нет сомнения, что предвосхищение удовольствия и последующий отказ от него фрустрируют сильнее, чем отсутствие предвосхищения.

Другой пример: сын просит у отца денег и знает, что они у него есть. Когда получает отказ, переживает сильную фрустрацию. Но его фрустрация бывает намного менее интенсивной, если он знает, что у отца денег мало или совсем их нет. Почему? В первую очередь по той причине, что в первом случае он ясно предвидел возможное удовольствие, а во втором такого предвосхищения не было. Правда, нереалистические фантазии замещающего характера могли быть и в этом случае.

Подобных примеров более широкого масштаба тоже немало. Например, правительство страны обещает поднимать зарплату определенным категориям служащих, но не делает этого или выполняет свое обещание лишь частично. Оно фрустрирует своих граждан, которые переживают разочарование (одно из самых характерных черт фрустрированности), недовольство и гнев. Поэтому, как в межличностных отношениях, так и на уровне управле-

ния страной лучше обещать лишь то, что возможно осуществить. Еще лучше меньше обещать, но больше делать: психологически это оптимальная тактика во всех подобных случаях.

Когда у людей вызывают к жизни высокие уровни притязаний и не удовлетворяют, тем самым порождают более интенсивное их неудовольствие, чем тогда, когда этого не делают. Поэтому дети богатых людей могут переживать более интенсивные состояния фрустрации, чем дети бедных, которым их родители не давали обещаний, а лишь советовали опираться на собственные силы. У детей богатых обычно формируется общий высокий уровень притязаний.

§ 7. Неприятные раздражители и агрессия

А. Проблема

У человека агрессивность, как психическое состояние, а также агрессивное поведение, вызываются не только фрустраторами в их классическом понимании, но и различными неприятными раздражителями. Этому кругу вопросов посвящены многочисленные исследования, которые обобщены главным образом в трудах Леонарда Берковица⁶⁶.

В целом знакомо и понятно, что болевые раздражители, жара и многие другие неприятные факторы среды вызывают у человека раздражение, злобу и готовность к агрессивным действиям. Такие неприятные раздражители в трудах разных авторов получают различные наименования. Л. Берковиц называет их *аверсивными* (от английского слова aversive) стимулами, что примерно соответствует слову «неприятный». Агрессию, вызываемую таким путем, называют агрессией, вызванной аверсивными (неприятными, досадными) стимулами в отличие от агрессии фрустрированного человека.

Б. Болевые воздействия вызывают агрессию

Опыты, проведенные как на животных, так и на людях, показывают, что болевые воздействия вызывали в них злость, то есть агрессивное состояние, и готовность атаковать доступную жертву. Мы уже знаем, что с учетом подобных фактов была предложена даже так называемая «болевая теория агрессии».

Было отмечено, однако, что более вероятно следующее: эта агрессия имеет как наступательный, так и защитный компоненты, а иногда (у некоторых видов животных) присутствует более сильная тенденция к бегству, сочетающаяся с более интенсивной тенденцией к нападению.

Анализ подобных явлений еще раз показывает, что существует врожденная агрессивная реакция на неприятные раздражители и вызываемый ими дистресс⁶⁷. Нужно добавить, что агрессивная реакция или тенденция к нападению в таких ситуациях сочетается с защитной тенденцией в виде реакции ухода или бегства. Но мы считаем, что и агрессия тоже может быть защитной, если вызвана не внутренними мотивами, а внешним неприятным раздражителем. Ведь нападение на такой раздражитель (как и нападение на фрустратор) является ответом на нападение и мотивировано желанием прекратить неприятные ощущения и, тем самым, защитить себя. Если это удастся, агрессивные действия закрепляются в памяти животного или человека и в следующий раз с готовностью воспроизводятся. Таким путем общий уровень агрессивности индивида повышается.

В. Другие неприятные факторы, вызывающие агрессивность

Из этих неприятных раздражителей в первую очередь надо упомянуть жару: чрезмерно высокая температура делает людей более раздражительными и злыми, чем они есть в обычных условиях. Получены даже данные о том, что массовые беспорядки чаще всего вспыхивают в жаркие месяцы года. Это явление особенно подробно исследовано американскими

⁶⁶ См.: Берковиц Л. Агрессия, с.74.

⁶⁷ См.: Берковиц Л., указ. соч., с. 78–79.

социальными психологами (Р. Бэроном, Л. Берковицем и другими). В целом можно сказать, что различные формы асоциального поведения людей, по всей видимости, получают стимул от сильной жары: насильственные действия чаще совершаются в жаркие дни. Связь, существующая между высокой температурой и агрессивностью, доказана также экспериментальными исследованиями.

Неприятный запах, дым, дурные сцены повышают уровень агрессивности людей и они во время психологических экспериментов, если создается возможность, наказывают других с большим ожесточением, чем обычно.

Такие стресс-фрустраторы, как, например, нехватка времени, отсутствие средств к существованию, безработица, высокие цены на товары и услуги, быстрые социально-экономические изменения и другие факторы вызывают агрессивность людей. Эти факторы мы называем стресс-фрустраторами, поскольку они вызывают у людей не только высокий уровень психофизиологического напряжения, но и чувство невозможности достичь своих целей, то есть фрустрацию.

Г. Перенос аверсивной агрессии

Агрессия, независимо от того, по каким причинам она у человека возникла, обладает способностью перенестись на другой, невинный объект, то есть такой, который не имеет никакого отношения к неприятностям и фрустрациям агрессора. Хотя цель атаковать подлинный источник неприятных ощущений и переживаний всегда остается, все же разозлившийся человек может атаковать и другие объекты, особенно тогда, когда подлинный фрустратор или другой источник неприятностей недоступен для нападения. У раздраженных неприятными факторами людей возникает подлинная враждебная агрессия и они могут быть очень суровыми к случайным жертвам.

Приведем пример из совсем недавнего прошлого: речь идет об убийстве 30 октября 2001 года в Москве, около выхода из метро, случайного прохожего, молодого армянина, отца двоих малолетних детей. На него напала агрессивная толпа хулиганов, лишив жизни совершенно невинного человека. В последующем в Москве происходили и другие подобные кровавые события.

Реальность переноса аверсивной агрессии доказана также экспериментами вышеупомянутых и других психологов.

§ 8. «Аверсивные» стимулы как стресс-фрустраторы

А. Проблема

В теориях стресса, фрустрации и агрессии ряд авторов, как мы только что видели, указывает на то, что многие стимулы, вызывающие агрессивное поведение, не являются фрустраторами. Это лишь неприятные раздражители, под воздействием которых также у животных и у людей вызываются к жизни агрессивные реакции. Такой точки зрения придерживается, например, Л. Берковиц, который критикует теорию фрустрации-агрессии за ограниченность.

Но, во-первых, слово «аверсивный» вряд ли является научным термином. Во-вторых, все те раздражители, которые Л. Берковиц и другие называют аверсивными, по-существу являются стрессорами или, чаще всего, стресс-фрустраторами: они, как мы полагаем, одновременно фрустрируют человека и вызывают у него состояние психофизиологического напряжения, то есть стресс.

В числе так называемых «аверсивных» стимулов авторы упоминают болевые раздражители, жару, оскорбление личности, несбывшееся ожидание и многие другие повседневные неприятности. Почему мы их называем стресс-фрустраторами? Мы это делаем по следующим причинам: 1) они, безусловно, вызывают стресс, что вполне очевидно; 2) они одновременно фрустрируют человека, поскольку не позволяют ему заниматься целенаправленной деятельностью. Если даже эти «аверсивные» стимулы неспецифичны, то есть не нацелены специально на блокаду определенной целенаправленной деятельности человека, они все же полностью или частично препятствуют реализации намеченных человеком целей. Так, если студент готовится к экзамену, но у него сильная зубная боль, то вполне очевидно, что он переживает как стресс, так и фрустрацию: боль мешает ему готовиться к экзамену, то есть блокирует его целенаправленную активность. Таким образом действуют шум и другие раздражители, не говоря уже об оскорблении.

Что дает нам такое переосмысление тех стимулов, которые Л. Берковиц и другие психологи называют «аверсивными»? Мы считаем, что оно расширяет наши представления о стрессорах и фрустраторах. Оно позволяет при исследовании таких воздействий на людей использовать весь разработанный в теориях стресса и фрустрации концептуальный аппарат и известные уже закономерности, и не только давать им объяснения, но и предсказать их последствия.

Поэтому мы думаем, что для случаев «аверсивных» стимулов нам не стоит изобретать новую теорию. Просто возникает необходимость некоторого расширения теорий стресса и фрустрации и осознания того факта, что многие воздействия реальной жизни являются комплексными стресс-фрустраторами. Например, шум, безусловно, вызывает у человека стресс. Но он одновременно является также фрустратором, так как мешает человеку выполнять свою работу. Блокируя целенаправленную деятельность, шум фрустрирует человека. Когда же шум специально поднимается недоброжелательными людьми для того, чтобы мешать человеку, его фрустрирующее значение становится еще более очевидным: в качестве фрустраторов выступают как шум сам по себе, так и его социальный источник. Даже само стрессовое состояние, возникшее под воздействием шума, становится *внутренним фрустратором*, поскольку препятствует выполнению человеком продуктивной деятельности. То же самое можно сказать и о других стресс-фрустраторах.

Специально следует исследовать такой важный и распространенный стресс-фрустратор, как атакующее поведение другого человека, то есть сознательное и намеренное нанесе-

ние личности боли и оскорбления. Это не просто «аверсивные» стимулы, а такие фрустраторы, которые направлены своим острием на я-концепцию личности и вызывают ответное желание отомстить. Поэтому подобные случаи должны исследоваться в психологии мстительной агрессии. Подобный защитно-атакующий ответ выражен в старом принципе мести: «Око за око, зуб за зуб». Между тем социально-психологические исследования этого явления пока что весьма поверхностны и сводятся к констатации общеизвестных истин⁶⁸.

Б. Теснота как стресс-фрустратор

Теснота – это не столько реальная нехватка пространства, сколько субъективное ощущение его нехватки. Такое переживание, конечно же, связано с реальным недостатком пространства. Когда, например, в одной небольшой комнате живут четыре и более человека, налицо реальная нехватка пространства. То же самое мы видим в квартирах многих больших семей, в купе вагонов и т. п. Достаточно пройти по подземным коридорам станций метро Еревана, которые превращены в обширные рынки с тесно, без промежутков устроенными многочисленными лавками, как и в московских ярмарках, и станет очевидно, что здесь ни продавцы, ни покупатели не могут чувствовать себя уютно. Это стрессогенные ситуации и в них люди, действительно, более агрессивны, чем в просторных рынках: здесь много ссор, грубости и хамства. Очевидно, что и субъективное восприятие таких ситуаций не может быть иной: это одновременно **психологическая теснота**. Но почему? Какие психологические факторы приводят людей в таких объективных ситуациях в состояние стресса и фрустрации?

1) Исследователи отмечают⁶⁹, что в подобных ситуациях человек ощущает **потерю контроля над ситуацией**. Ощущение неподконтрольности ситуации – сильнейший фрустратор, вызывающий также интенсивный стресс. Ясно, что одной из защитных реакций на фрустрацию такой важной человеческой потребности, как потребность держать под контролем ситуацию, должна быть агрессия.

2) **Вторая причина – нарушение границ личного пространства людей**. Как известно, каждому человеку неприятно, когда незнакомые люди очень близко подходят к нему. Вокруг тела каждого, особенно вокруг головы, есть воображаемое пространство, которое невозможно нарушить, не вызывая неудовольствия его обладателя⁷⁰. Нарушение личного пространства вызывает фрустрацию, особенно больно ударяя по я-концепции личности и ее подструктурам. Ведущей из непосредственных реакций на такую фрустрацию является агрессивность и тенденция совершения агрессивных действий.

Роль этих психологических факторов велика, поэтому теснота весьма относительна: одно дело, когда наше личное пространство нарушает любимый человек, свой ребенок и т. п., другое дело, когда нарушитель – посторонний человек. Фрустрация сильнее в том случае, когда в личное пространство человека вторгаются неприятные для него или ненавистные люди. Физическая агрессия является сильным стресс-фрустратором не столько из-за той боли или повреждений, которые она может вызвать у жертвы, сколько из-за ее оскорбительного характера: она грубо нарушает личное психологическое пространство человека. Изнасилование является сильнейшим стресс-фрустратором тоже в основном по этой причине. Физическое насилие всегда вызывает чувство тесноты, нехватки пространства.

⁶⁸ См.: Майерс Д. Социальная психология. СПб, "Питер". 1997, с. 506–507.

⁶⁹ См.: Baron R. Human Aggression. New York: Plenum Press. 1997; Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб, "Питер", 1997; Майерс Д., указ. соч., с. 507.

⁷⁰ См.: Sommer R. Personal space. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice Hall, 1969.

В больших городах жители испытывают более сильный страх, чем живя в просторных местах. Они стремятся в позднее время не выходить на улицу. Страх же тесно связан с агрессивностью.

В. Физические стресс-фрустраторы и принцип «око за око»

Исследования подтверждают наблюдаемое в повседневной жизни явление: на физическое наказание люди отвечают физической же агрессией. Лабораторные исследования показали, что отвечая на воздействие физических стресс-фрустраторов (например, на электрические удары, наносимые другим человеком), люди руководствуются принципом «око за око», а не христианской заповедью «подставь другую щеку». Иначе говоря, люди стремятся по возможности уравнивать степень агрессии⁷¹, то есть дать адекватный ответ.

То, что люди спонтанно следуют принципу «око за око» (это можно считать одним из выражений принципа справедливости, одним из его вариантов в сочетании с принципом равенства), очень хорошо доказано в эксперименте О'Лиры и Денджерина, проведенного в 1973 году (краткое его описание дано в упомянутой выше книге Бэрона и Ричардсон, с. 137). В связи с этим исследованием возникает вопрос: только ли отвечая на воздействие физических стресс-фрустраторов агрессора, люди придерживаются указанного выше комплексного принципа справедливости-равенства, или же данный принцип подспудно действует и при воздействии других фрустраторов?

Результаты подобных исследований применимы для анализа реальных и очень ответственных вопросов практики. Когда за умышленное убийство преступнику назначают не смертную казнь, а 15 лет тюрьмы или пожизненное тюремное заключение, то, как мы полагаем, в нормативном смысле происходит следующее: 1) нарушается традиционный принцип «око за око» (принцип мести); 2) открывается возможность для действия христианского принципа, требующего подставить другую щеку; во всяком случае, ответ не является равносильным и равноценным; 3) в тех случаях, когда жертва ничем не спровоцировала агрессора, нарушается принцип справедливости. Каждый родился, чтобы жить, и хочет жить, а кто-то другой лишает его этого естественного права.

Поэтому психология наказания – дело весьма и весьма тонкое. И надо очень серьезно размышлять над тем, надо ли ликвидировать высшую меру наказания – смертную казнь? Во всяком случае нужен избирательный подход к различным случаям лишения жизни одним человеком или группой людей другого человека.

⁷¹ См.: Бэрон Р., Ричардсон Д., указ. соч., с. 137.

§ 9. Конфликт, фрустрация и агрессия

А. Конфликт и стратегия поведения

Агрессивное поведение людей очень часто обусловлено конфликтными отношениями с другими людьми и группами. Индивиды А и Б находятся в конфликтных отношениях, если: 1) стремятся к одной и той же цели, которая может принадлежать только одному из них. Это случай соперничества; 2) когда выполняют совместную деятельность, но стремятся к разным, несовместимым целям и ценностям. Во всех подобных случаях между ними существует конфликт интересов. Здесь мы не рассматриваем вопрос о многочисленных внутренних конфликтах людей, которые тоже являются для них стресс-фрустраторами⁷².

Как ведут себя люди в подобных межличностных конфликтах? Ясно, что они выбирают различные линии поведения, различные стратегии преодоления конфликта и адаптации. Вкратце рассмотрим главные из них: 1) очень часто среди этих стратегий можно видеть *агрессивную стратегию адаптации*. Она не обязательно выражается в физических агрессивных действиях. Если, например, индивиды А и Б соперничают за благосклонность С, то они могут попытаться дискредитировать друг друга перед С и другими значимыми людьми. С психологической точки зрения всякая попытка дискредитации является агрессией; 2) вторая возможная стратегия адаптации – конформистская. Например, если А является начальником Б, то Б может внешне согласиться с А относительно целей или способов совместной деятельности. Б будет подыгрывать А до поры до времени, пока находится под его властью; 3) А и Б, оказываясь в конфликтных отношениях, могут принять решение прекратить совместную деятельность и больше не иметь дела друг с другом. Фактически перед нами один из вариантов ухода из неприятной ситуации: после ухода или «бегства» А и Б могут уже пренебрегать друг другом, поскольку их интересы больше не пересекаются; 4) наконец, возможна компромиссная стратегия. Если, например, вначале А и Б имели разные цели, они могут найти третий вариант цели – С, который, пусть не полностью, но все же в определенной мере удовлетворяет обе стороны.

Если конфликт острый, все названные варианты могут в какой-то мере носить «налет» агрессивности. Но подлинно агрессивной является лишь одна из этих стратегий. Выбор агрессивной стратегии фактически означает, что человек идет на обострение конфликта (пусть временное), надеясь, что в результате соперник станет недееспособным и победа останется за ним. Например, когда между государствами возникает конфликт интересов, который выражается в дипломатической борьбе и в агрессивной пропаганде, одна из сторон может решиться на еще большее обострение конфликта и начинать военные действия, нападая на противника. Война, таким образом, является не просто средством разрешения конфликта, достигшего уровня кризиса, но и средством еще большего обострения и углубления этого состояния. Кризис же – такой уровень обострения конфликта, когда для компромисса уже нет места. Если уход сторон из ситуации невозможен, остается лишь один путь – силовое решение конфликта.

Люди могут использовать агрессивную стратегию не только в ответ на уже возникшее противоречие или конфликт с целью его обострения, то есть реактивно. Есть люди, которые для решения стоящих перед ними задач и используя *проактивную агрессию*, специально, намеренно создают конфликты. Когда, например, члены преступных банд специально провоцируют мирного пешехода, оскорбляют его, их целью является создание конфликта и

⁷² См.: Налчаджян А. А. Социально-психическая адаптация личности. Ереван, Изд-во АН Арм., 1988.

драки. Целью может быть также оскорбление или садистическое наслаждение от вида страдающего человека, или же просто желание показать свое физическое превосходство и смелость.

Б. Эмпирические исследования агрессивной стратегии в конфликте

Итак, когда перед людьми возникают проблемы, некоторые из них стремятся разрешить их с помощью агрессии. С этой целью они идут по пути создания конфликта и еще большего его обострения. Исследования показали, что люди, выбирающие такой путь разрешения своих проблем, отличаются от других более высоким уровнем общей агрессивности. Другие выбирают более миролюбивые средства и стратегии, например уход или компромисс. Считается также, что те, кто избегает конфликтов, не заботятся ни о себе, ни о других. Те же индивиды, которые выбирают компромисс, одинаково озабочены как своими интересами, так и целями другой стороны. Оказалось, что индивиды, ищущие на компромисс, в своих взаимоотношениях с людьми отличаются более низким уровнем агрессивности, чем те, кто часто пользуется агрессивной стратегией. Для раскрытия этих индивидуальных различий используются специально изобретенные тесты⁷³. Высокий уровень агрессивности сочетается со стремлением к доминированию над другими людьми.

Не только уровень агрессивности, как черта характера, влияет на выбор агрессивной или компромиссной реакции на возникший конфликт интересов. Играет роль целый ряд других черт личности, о которых речь пойдет в последующих главах. Например, целеустремленные люди типа «А», в отличие от противоположного типа «Б», чаще прибегают к помощи агрессивной стратегии⁷⁴. Получены данные о том, что люди со слабым самоконтролем чаще используют агрессию, чем те, у кого самоконтроль развит в более высокой степени⁷⁵.

В. Влияние ситуационных факторов на поведение в конфликтной ситуации

Из ситуационных факторов на поведение людей в конфликтных ситуациях наибольшее влияние оказывают следующие факторы: 1) кто присутствует и какие социальные статусы занимают эти люди; 2) как они относятся к действующим лицам, критикуют их или поощряют и т. п. Р. Бэрн, подтвердив то, что уже известно из повседневных наблюдений, показал, что агрессивная критика присутствующих вызывает ответную агрессию участвующих в конфликте людей; 3) критика вызывает тем более сильную агрессию, чем ниже статус критикуемого; 4) деструктивная критика будет встречена тем более агрессивно, чем несправедливее она представляется тому, кого критикуют. Когда критика конструктивная, она вызывает у критикуемого менее интенсивную ответную агрессию⁷⁶.

Эти очень ценные замечания нетрудно дополнить результатами исследований М. Шерифа, Г. Тэджфела и других социальных психологов. Но поскольку они общеизвестны, здесь подробное их изложение мы считаем излишним.

⁷³ См.: Бэрн Р., Ричардсон Д. *Агрессия*, с. 281–282.

⁷⁴ Указ. Соч., с. 282.

⁷⁵ Указ. соч., с. 282.

⁷⁶ Указ. соч., с. 283–284.

§ 10. Фрустрация и ослабление агрессии

А. Парадокс или реальность?

Если у нас вызывают сомнения эксперименты, во время которых, как утверждают исследователи, под воздействием фрустратора не наблюдается повышение уровня агрессивности испытуемого, то должны удивлять те исследования, которые показали, что фрустрация может вызвать ослабление агрессивности человека. Действительно, такие эксперименты проводились. Так, У. Джентри в 1970 году показал, что когда испытуемые мужчины решали задачи по проверке их интеллектуальных способностей, а экспериментатор постоянно мешал им и не давал дорешать эти задачи (вследствие чего они получали невысокую оценку и фрустрировались от этого), на последнем этапе эксперимента наносили помощнику психолога меньшее количество электрических ударов, чем испытуемые контрольной группы⁷⁷.

Наконец, когда А. Басс на основе своих исследований пришел к выводу, что фрустрация не является ни основной, ни существенной предпосылкой агрессии, он не заметил, что имел в виду лишь физическую агрессию. Он действительно считал, что «... фрустрация в своем первоначальном виде является сравнительно малозначительной предпосылкой физической агрессии»⁷⁸. Именно физическую агрессию имел в виду А. Басс, но ведь известно, что фрустрация, во-первых, ведет к различным формам агрессии, а физическая агрессия в социальных ситуациях очень часто сдерживается; во-вторых, даже если уровень агрессивности человека под влиянием фрустратора повышается, он во многих случаях может откладываться как физические, так и символические агрессивные действия. Не говоря уже о том, что существует внутренняя речь, через которую также человек очень часто для себя «выражает» агрессию и даже моделирует свое будущее агрессивное поведение по отношению к другим людям.

Хотя этих доводов уже вполне достаточно, чтобы поставить под сомнение корректность вывода о том, что в некоторых случаях фрустрация ослабляет агрессию, мы приведем еще несколько аргументов в пользу противоположной точки зрения: 1) в приведенных экспериментах, на последнем этапе, объектом агрессии становился не сам фрустратор (экспериментатор), а его помощник. Очевидно, что это не одно и то же. 2) Следовательно, вопрос сводится к следующему: во время упомянутых экспериментов У. Джентри необходимо было выяснить, *почему не имел место перенос агрессии испытуемых от подлинного фрустратора на заменяющее его лицо?* Этот аспект эксперимента, насколько нам известно, не раскрывается ни самим экспериментатором, ни теми, кто считает его исследование доказательством верности утверждения, будто фрустрация ведет к ослаблению агрессивности. 3) При этом упомянутые авторы то и дело путают агрессию с агрессивностью. Но ведь должно было быть очевидно, что *ослабление агрессивности* (враждебности, эмоционального аспекта психического состояния фрустрированной личности) и *ослабление агрессии* (публичного, социального поведения) – не одно и то же. Совсем не обязательно, чтобы во всех социальных ситуациях, после усиления своей агрессивности, человек переходил к более интенсивным агрессивным действиям. 4) Наконец, агрессия может направляться на самого себя, стать *самоагрессией*, вследствие чего может наступить временное депрессив-

⁷⁷ См.: указ. соч., с. 130.

⁷⁸ Указ. соч., с. 130; Buss A.H. *The Psychology of Aggression*. New York, Wiley; 1961; Buss A.H. *Physical aggression in relation to different frustrations*. "Journal of Abnormal and Social Psychology", 1963, 67, Pp. 1–7.

ное состояние. В таком случае, как известно, человек внешне, с точки зрения других, становится менее агрессивным и даже беспощадным.

В свете всех этих аргументов мы считаем возможным утверждать, что упомянутые эксперименты *не доказывают*, что фрустрация может вести к ослаблению агрессивности. После фрустрации психически нормальный человек становится более агрессивным (то есть более враждебным к фрустратору и к тем, кто с ним связан положительными отношениями), хотя его агрессия (как совокупность агрессивных, враждебных и разрушительных действий) может или оставаться на прежнем уровне, или усиливаться, или даже стать менее выраженным. В таких случаях возможно ослабление агрессии (но не агрессивности!) – мы это уже объяснили. Но данный вопрос связан также с так называемыми «опосредующими факторами», которые уже становились предметом психологических исследований. Исследованию когнитивных посредников агрессивного поведения человека мы посвящаем отдельную главу настоящей книги.

Б. В каких условиях фрустрация не вызывает агрессии?

Нередко утверждается, что во многих экспериментах не удалось доказать, что фрустрация вызывает повышение уровня агрессивности испытуемых. Приводятся, например, примеры совершенно искусственных экспериментов, почти не напоминающих реальные ситуации жизни; таких экспериментов, в ходе которых используется известный нам метод («парадигма») А. Басса типа «учитель-ученик»: во время подобных экспериментов испытуемые («учителя») и без того применяют электрические удары при каждой новой «ошибке» учителя. Критики теории фрустрации-агрессии удивляются, что, когда число ошибочных ответов «ученика» превышает предполагаемые 30, они не увеличивают силу электрических ударов по сравнению с членами контрольной группы. Они должны были быть уязвлены тем, что являются «плохими учителями» и должны были стать более агрессивными. Мы считаем, что искусственность и малозначимость ситуации, осознаваясь испытуемыми, могли предотвратить повышение уровня их агрессивности, нейтрализуя влияние дополнительных фрустраторов.

И еще один важный момент следует учесть при оценке таких исследований: если уровень агрессивности испытуемого под воздействием фрустраторов повышается, то это вовсе не значит, что он обязательно должен публично выразить свою повышенную агрессивность. Ведь фрустраторы вызывают внутреннюю готовность к агрессивным действиям (агрессивную установку и эмоции злобы и гнева), которая может реализоваться, а может и нет. Лучше было бы обратить внимание на то, какие *ингибиторы агрессии* существовали в экспериментальной ситуации. Возможно, что под влиянием каких-то тормозящих агрессию механизмов испытуемые находили другие способы психологической самозащиты, например регрессию, как это показано еще К. Левиным и его сотрудниками много лет назад.

В. Справедлива ли критика в адрес теории фрустрации – агрессии?

Отметим сразу, что такая критика, достаточно широко распространенная в настоящее время, справедлива лишь отчасти. Она справедлива, поскольку обращает внимание на такие случаи, когда фрустрация не вызывает агрессивного ответа: фрустрируясь, люди, во всяком случае внешне, могут вести себя неагрессивно и использовать стратегии ухода или другие неагрессивные психологические защитные механизмы.

Но отчасти эта критика несправедлива и является следствием слишком узкого понимания фрустратора и фрустрации. Так, Р. Бэрн и Д. Ричардсон критикуют известный эксперимент Малика и Маккендлеса, показывая, что когда сообщник психологов не дает детям

закончить выполнение серии простых заданий, испытуемые становятся более агрессивными, чем те, кто имел возможность закончить работу. Описав эту часть эксперимента, авторы затем обнаруживают, что во время эксперимента сообщник психолога не просто мешал испытуемым, «...но и отпускал в их адрес ряд саркастических замечаний, которые вполне могли вызывать ярость. Итак, необходимо определить, что послужило причиной более высокого уровня агрессивности испытуемых из первой группы – то, что им мешали, едкие замечания или же оба этих фактора?»⁷⁹. Авторы не считают едкие замечания фрустраторами, убеждены, что эти дополнительные факторы сделали эксперимент некорректным и недоказательным. Но с данным выводом трудно согласиться. Дело в том, что экспериментатор использовал сложный стресс-фрустратор, состоящий из физических и вербальных действий. Более того, даже только саркастические замечания в адрес тех, кто выполняет целенаправленную деятельность, являются фрустраторами, поскольку, отвлекая их внимание и вызывая в них отрицательные чувства, препятствуют выполнению деятельности. Более того, они вполне могут дезорганизовать ее. Они, кроме того, фрустрируют я-концепцию исполнителей, вследствие чего у последних должны возникать чувство оскорбления, мотив самозащиты и агрессия. Правда, было бы интересно отдельно исследовать роль только таких словесных стресс-фрустраторов. Мы считаем, что словесные оскорбления – это не просто «предпосылки» агрессии, как считают Бэрн и Ричардсон, а самые настоящие и мощные фрустраторы. Исследования А. Бандуры, Л. Берковица, Р. Джина и ряда других экспериментаторов доказывают, что во многих случаях (если не всегда) фрустрация вызывает агрессивное поведение.

⁷⁹ Бэрн Р., Ричардсон Д., указ. соч., с. 127.

§ 11. Воображение и агрессия

Воображение – внутренний психический процесс, осуществляемый с помощью различных психических образов – зрительных, слуховых, тактильных и т. п. Работа воображения приводит к образованию новых комбинаций образов. Когда эти ассоциации представляют собой решения значимых задач, то можно уже говорить не столько о воспроизводящем, сколько о творческом воображении. Это два основных вида воображения, причем воспроизводящее воображение, представляя собой возвращение в сферу сознания уже готовых ассоциаций образов из памяти, лежит в основе творческого воображения. В нашей повседневной жизни воображение выступает в форме дневных грез, которые частично осознаются человеком, сновидений, различных типов галлюцинаций и других психических процессов.

Для чего природа создала воображение? Не является ли оно излишеством? Почему звучит оскорбительно, когда мы говорим о человеке, что он лишен воображения?

Оказывается, велика роль воображения в жизни людей. Оно выполняет целый ряд функций. Когда человек оказывается в проблемной, то есть трудной и неопределенной ситуации, то, пытаясь сформулировать гипотезы, предвидеть будущее, составлять планы своих действий – во всех этих и других случаях – он, кроме своей памяти, восприятия и мышления, в значительной степени опирается на воображение. Мощное развитие воображения оказывает разностороннее и глубокое влияние на все стороны личности, способствует ее созреванию и творческой активности.

Одной из важнейших является **психозащитная функция** воображения. Когда мы говорим о защитных функциях воображения, скорее всего имеем в виду такую его разновидность, как фантазия. В отличие от обычных процессов воображения, которые бывают, как мы видели, воспроизводящим и творческим, фантазия имеет следующие особенности: а) она значительно больше оторвана и удалена от повседневных впечатлений и забот человека; б) человек, фантазируя, создает больше новых и необычных сцен и выдумок; в) внутренняя мотивация фантазий более глубокая, она выражает более интимные, сокровенные желания и мечты личности; г) фантастические образы насыщены более глубокой эмоциональностью, чем обычные результаты работы воображения. Фантазия играла большую роль в истории культуры человечества, она способствовала созданию легенд, сказок и мифов, систем представлений об идеальном устройстве общества, творчеству в области науки и искусства.

Имея такие особенности и возможности, фантазия играет значительную роль в процессах психической самозащиты и компенсаторной активности личности. В частности, сновидения, во всяком случае значительная их часть, являются разновидностью фантазии и играют психозащитную роль: они охраняют психику от вредного воздействия фрустраторов⁸⁰.

Когда в реальной жизни цели и желания человека, его притязания наталкиваются на непреодолимые преграды, тогда их «реализация» переносится в сферу воображения и фантазии. Обычно защитные процессы воображения начинаются спонтанно, как только человек предвидит фрустрацию или реально переживает ее. «Решение» трудных проблем жизни в фантазиях приносит некоторое облегчение, поэтому люди так часто пользуются ими, долго и с наслаждением предаваясь их потоку.

В образах воображения нередко мы видим агрессивные действия и сцены: человек в своих фантазиях борется против врагов и обычно побеждает. Воображаемые агрессивные действия личности чаще всего направляются против самого фрустратора, хотя и здесь наблюдаются случаи перемещения агрессии на другие, замещающие объекты. Вооб-

⁸⁰ См.: Налчаджян А. А. *Ночная жизнь*. Ереван, «Огебан», 2000.

ражаемые агрессивные действия могут несколько ослабить реальную агрессию, направленную против фрустраторов, но могут быть также подготовительным этапом, психологической репетицией перед реальным действием.

Воображаемая агрессия играет защитно-компенсаторную роль в жизни тех людей, которые имеют, например, физические недостатки. Мальчик, получивший увечья в результате несчастного случая, не может участвовать в спортивных состязаниях и поэтому в своем воображении «участвует» в них и побеждает. Немощный старик видит себя в роли полководца и в фантастических образах, во главе огромной армии, добивается блестящих побед. Взрослый человек, потерявший в результате автоаварии обе ноги, видит во сне, что совершенно здоров и не только быстро ходит, но и играет в футбол. Все эти люди компенсируют свои недостатки с помощью фантазии.

Агрессия чаще всего выражается в фантазиях и по той причине, что в современном обществе многие открытые формы агрессии запрещены как законами, так и моральными представлениями и нормами. Мы не можем в каждой ситуации, когда нас фрустрируют, сразу же применить агрессию: или мы откладываем нападение, или же вообще отказываемся от агрессивных действий, а в более серьезных случаях обращаемся за помощью к представителям закона, к тем органам, которые специально созданы для защиты прав и личности граждан. Во всех этих случаях агрессия перемещается в сферу воображения.

В своих фантазиях человек большей частью эгоцентричен. У него сильно выражен нарциссизм, который, кстати, является одной из предпосылок агрессивности человека. Нарцисстическая личность – главный герой своих фантазий и его агрессия побеждает всех. В фантазиях для человека, особенно для молодых людей, нет преград.

§ 12. Непосредственные эмоциональные ответы на воздействие фрустраторов

А. Непосредственный комплексный ответ

Существуют непосредственные и отсроченные ответы на фрустрацию. Есть также защитно-адаптивные процессы, которые требуют времени для своего развертывания. Например, сублимация агрессивных или сексуальных желаний вряд ли может начинаться сразу же под воздействием фрустраторов, в самой ситуации лишения человека возможности удовлетворения этих потребностей. Требуется времени, например, и такой мощный защитный процесс, как рационализация, которая в первую очередь выступает в виде самооправдания. Чтобы оправдать свою неудачу, человек должен найти или сочинить аргументы, а это требует некоторого времени и активных мыслительных процессов.

Но целый ряд защитных механизмов возникает или актуализируется (воспроизводится из памяти) сразу же под воздействием фрустраторов. Таковы простые формы непосредственной агрессии, которая сразу же возникает в психике человека в виде эмоций вражды и гнева, направленные на те факторы, которые мешают человеку работать или оскорбляют его достоинство. Этому враждебному состоянию могут сразу же последовать вербальные и физические агрессивные действия.

Непосредственно возникает ряд эмоциональных реакций личности на фрустратор. Сама агрессия всегда сопровождается сильными эмоциями, составляющими «враждебный комплекс». В него входят враждебность, гнев, презрение, страх и тревога, разочарование и т. п. Именно эти эмоции возникают непосредственно под воздействием фрустраторов и без них, как предполагают такие исследователи, как Л. Берковиц и Р. Бэрон, последующие агрессивные действия не совершались бы. Сама по себе невозможность добиваться поставленной перед собой цели еще не создает достаточной предпосылки для совершения агрессивных действий. Воздействие фрустраторов необходимо, но недостаточно. Только возмущение, гнев и другие негативные эмоции, возникшие из-за несовпадения ожиданий человека с его реальным достижением, создают необходимую мотивацию для применения насилия. При этом, конечно, играют роль предвосхищение будущих желательных ситуаций, воображение и другие познавательные процессы. Предпосылки агрессии составляют в психике фрустрированного человека *познавательный-эмоциональный комплекс*. И играют роль также ожидания референтных групп и значимых для личности персон, которые тоже, возможно, предвидели ее успех, а получилась неудача. Кстати, эти социально-психологические аспекты в экспериментальной психологии агрессии весьма слабо исследованы. Вкратце рассмотрим некоторые из названных эмоций.

Б. Гнев, страх и агрессия

Тревога и страх человека часто способствуют усилению агрессивности. В тревожном состоянии человек нередко теряет четкость восприятия и не различает реальное от воображаемого, что и способствует совершению агрессивных действий. Эти явления можно проиллюстрировать множеством примеров. При страхе, однако, чаще всего люди выбирают не нападение на фрустратор, а бегство, уход из ситуации.

Так, во время Второй мировой войны американское общество было охвачено беспокойством по поводу подрывной деятельности иностранцев и групп этнических меньшинств.

Нужны были «козлы отпущения», и в качестве таковых выбрали в первую очередь японцев. Практическим следствием этого выбора было то, что проживавших на побережье Тихого океана японцев интернировали. Распространилось мнение, что все американцы японского происхождения подозрительны, являются агентами японской разведки, пятой колонной, ответственной за поражение американского флота при Пирл-Харборе. Между тем не было, насколько нам известно, никаких фактов, свидетельствующих об их подрывной деятельности.

Еще более впечатляющий пример дает нам сталинская эпоха СССР. Мысль об «империалистическом окружении», о шпионской деятельности враждебных агентов привели к компаниям массовой ловли «шпионов» не только в больших городах, но даже в самых захолустных уголках страны. От этого психоза пострадали сотни тысяч невинных людей⁸¹. У страха глаза, как известно, велики.

Гнев, как признак фрустрированности, является ответом на фрустрацию целенаправленной деятельности, на личностную фрустрацию и оскорбление достоинства⁸². Самый сильный гнев вызывается оскорблением. Когда в экспериментальной ситуации подвергают агрессии двух индивидов за одинаково плохое выполнение задания, то из них более интенсивную агрессию проявляет тот, поведение которого раньше было подкреплено, а не тот, у которого просто вызвали гнев. Здесь к фрустрации целенаправленной деятельности присоединяется личностная фрустрация⁸³. Вообще, важнее не столько количество фрустрации, сколько ее качество, то есть личностное значение. Не всегда повторные фрустрации приводят к постепенному усилению агрессивности. Многое зависит от качества фрустраторов, их значения для человека.

Чтобы удостовериться в том, что качество фрустратора важнее его количества, Р. Джин провел ряд опытов, в числе которых следующий: в течение двух лет он посылал критические письма одной актрисе, но не получал никаких ответов. Затем, уже в течение трех лет, посылал подарки и объяснялся в любви (в письмах). Это вызвало анонимные телефонные звонки. Он получил также несколько почтовых карточек, но не было разговоров и сердечных ответов, как следовало ожидать согласно теории фрустрации-агрессии. За все время этого естественного эксперимента женщина оставалась недовольной и несчастливой.

Когда фрустрируется какая-либо первичная потребность человека, он переживает гнев, иногда порождающий агрессивные действия. Но что же происходит, когда этот гнев, в свою очередь, подавляется внешними или внутренними фрустраторами и личность подвергается **вторичной фрустрации**? Это, по нашему мнению, одна из важнейших проблем психологии личности и социальной психологии, поскольку данное явление распространено очень широко.

В подобных случаях фрустрации подвергается уже агрессивная тенденция человека, которая имеет сильную внутреннюю мотивацию. Это вторичная фрустрация, которая может быть интенсивнее первичной, поскольку имеет двойную мотивацию. Возможны, конечно, и фрустрации более высоких ступеней, и многократные новые фрустрации агрессивных мотивов. В результате вторичных и последующих фрустраций происходит накопление фрустрированности и агрессивности личности, которые, начиная с определенного уровня, становятся невыносимыми. Человеку в таком состоянии уже не удастся подавить свою агрессию и она прорывается в виде разрушительных действий. Хотя, как мы показали в предыдущем

⁸¹ См.: *Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Кн.1. М., 1989; Ципко А. С. Насилие лжи или Как заблудился призрак. М., 1990.*

⁸² *Geen R. Effects of Frustration, Attack and prior Training in Aggressiveness upon Aggressive Behavior. "Journal of Pers. and Social Psychology", 9, 1968, Pp.316–321.*

⁸³ *Mackal P.K. Psychological Theories of Aggression, Pp. 14–15.*

разделе, не всегда новые фрустрации усиливают агрессивность. Но эти исключения, по-видимому, подтверждают общее правило.

Интересным примером постепенного накопления фрустрации и внезапной и интенсивной агрессивной реакции может служить следующий эпизод, рассказанный в одной из книг А. И. Китова:

«К уголовной ответственности был привлечен гражданин Н. за нанесение тяжких телесных повреждений своему давнишнему знакомому. Рассмотрение дела показало, что потерпевший длительное время наносил подсудимому оскорбления словом, на что последний видимым образом остро не реагировал. И на этот раз, когда потерпевший получил тяжкие телесные повреждения, говорил подсудимому те же слова, которые ранее никогда не приводили к эксцессам.

На основании имеющихся материалов суд пришел к выводу, что побои нанесены потерпевшему умышленно, а не под влиянием оскорблений. К ним, как полагал суд, подсудимый должен был *привыкнуть*, о чем свидетельствует якобы его прежнее поведение в сходных ситуациях. Кассационная инстанция, рассматривая дело, пригласила в качестве эксперта видного советского психолога. Психологический анализ показал, что каждое новое оскорбление остро переживалось подсудимым, но он себя сдерживал силой воли. Постепенно психологический агрессивно-оборонительный импульс, вызванный к жизни оскорблениями, усиливался, а сдерживать себя становилось все труднее. Тяжкие телесные повреждения, нанесенные потерпевшему, были результатом качественного скачка в соотношениях мощности этого психологического импульса и силы воли подсудимого. Кассационная инстанция приняла во внимание заключение эксперта и смягчила меру наказания»⁸⁴.

Данный пример А. И. Китов приводит в качестве иллюстрации того, что все психические явления детерминированы. Но для нас в настоящем контексте интересно то, что имела место специфическая детерминация агрессивного поведения повторными фрустрациями и в результате накопления огромного заряда гнева.

Эмоциональными реакциями сопровождаются также стереотипные двигательные реакции и беспокойные движения, которыми нередко отвечают на фрустрацию. В других случаях наступает апатия, нередко – психическая регрессия, то есть возврат к пройденным этапам психического развития личности. Но регрессия может стать также длительно действующим защитным механизмом.

⁸⁴ Китов А. И. Психология управления. Академия МВД. М., 1979, с. 55–56.

§ 13. Специфические фрустраторы женщин

Вышеописанные факторы, фрустрирующие людей и вызывающие агрессивные действия, касаются всех – как женщин, так и мужчин. Но есть ли фрустраторы, специфичные для женщин? Полезно знать об этом, что позволит лучше понять индивидуальные различия переживания фрустраций и совершения агрессивных действий.

Относительно фрустраторов, специфичных для женщин, можно указать по крайней мере на следующие обстоятельства:

1) недостаточное сексуальное удовлетворение вследствие импотенции мужа или собственной фригидности. Данный источник фрустраций можно было бы богато проиллюстрировать примерами из сексопатологии и практики консультирования, но для современного читателя психологической литературы в этом вряд ли есть необходимость;

2) депривация желаний иметь детей и быть матерью. Удовлетворение этих желаний является одним из главных способов самоутверждения женщин, создания для себя психологического комфорта, осмысления своего существования. Успешность жизни женщин в деторождении и выращивании отпрысков – прекрасное средство борьбы против агрессивности внешнего мира, собственного мужа и своих же агрессивных и иных нездоровых тенденций;

3) важнейшим фрустрирующим фактором является пассивность и невнимательность мужа в вопросах развития жены и детей. Многие мужья отличаются зависимым характером, беспомощностью в управлении семейными делами. Они принимают своих жен как часть окружающей среды, без личностного подхода, без интереса к их личности и индивидуальности. Отсюда – постоянная фрустрированность многих женщин.

§ 14. Психологические особенности враждебности

А. Враждебность как социальная установка

В повседневной речи слово «враждебность» употребляется в различных значениях. Иногда враждебность даже отождествляется с агрессией. Мы же считаем, что враждебность является специфической социальной установкой, состоящей из трех известных блоков: когнитивного (знание объекта установки и мысли о нем), эмоционального (недовольство, гнев и т. п.) и блока, включающего программу возможных действий по отношению к этому объекту. Отсюда видно, что эмоции, сопровождающие агрессию и предворяющие ее, входят в так называемый «комплекс враждебности», а этот комплекс, в свою очередь, составляет блок в структуре враждебности как социальной установки.

Остается вопрос о том, какую роль играет агрессивное влечение, которое с большей или меньшей интенсивностью всегда существует в психике человека, поскольку в головном мозгу имеются центры агрессии? Мы считаем, что агрессивное влечение, как явление бессознательной психики человека, является той базой, на которой у человека в течение индивидуального развития строятся многочисленные враждебные установки. Участвуя в создании установки и сообщив ей энергию, общее агрессивное влечение остается базой устойчивости и проявляется через эти установки в виде эмоций и действий.

Б. О когнитивных элементах враждебности

В когнитивный блок враждебности входят: образ объекта, на который направлена агрессия (образ «жертвы») и отрицательные оценки этого объекта. Этот образ состоит не только из подлинных познаний объекта, но и из атрибуций, которыми пользуется агрессор. Мы полагаем, что часть данных атрибуций носит проективный характер. Причем определенная часть этих психических процессов может протекать словесно и на уровне сознания: агрессор может при себе или публично охарактеризовать будущую жертву дискредитирующими словами (подлый, неприятный и т. п.). Анализ такой словесной агрессии представляет значительный интерес для понимания когнитивных компонентов враждебной установки.

Используя атрибуции, агрессор приходит к выводу, что желает объекту зла, хочет причинить ему ущерб. Когда враждебность направлена на группу людей, более широко используются отрицательные социальные установки.

Агрессивность же является свойством личности, общей установкой на нанесение ущерба другим людям. Это психологическая готовность к применению насилия. Агрессивность – комплекс характера личности. Именно в таком смысле мы говорим об агрессивных людях, о более агрессивном или менее агрессивном характере. Агрессивным людям посвящены специальные главы третьего тома настоящей книги, поэтому здесь мы ограничимся лишь одним замечанием, а именно: эти люди чаще других выражают враждебность к людям и готовность применить к ним насилие. Иначе говоря, у таких людей сформировано много враждебных установок как к отдельным индивидам, так и к социальным и этническим группам.

В. Враждебное настроение и поиск жертвы

Агрессивность может принимать различные формы, в том числе характер общей озлобленности или ворчливости. Агрессивная ворчливость – состояние, из которого, при появлении удобного объекта, человек может перейти к взрывным насильственным действиям.

Очень умело подобное состояние описывает Л. Н. Толстой в романе «Война и мир». Речь идет о настроении князя Николая Андреевича, отца Андрея, которого посещает врач-француз Метивье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.